

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Кафедра русской литературы

БУЛГАК
Елизавета Алексеевна

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В АНТИУТОПИИ
XX – нач. XXI вв.**

Дипломная работа

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
И. С. Скоропанова

Допущена к защите
«___» _____ 2015 г.

Зав. кафедрой русской литературы
Доктор филологических наук, профессор С. Я. Гончарова-Грабовская

Минск, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕФЕРАТ.....	3
SUMMARY.....	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
1.1. Искусственные люди в романе О. Хаксли «О дивный новый мир».....	10
1.2. Человек и «человеи» в романе А. Зиновьева «Глобальный человек».....	17
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА КЛОНИРОВАНИЯ В «МАЛОЙ ПРОЗЕ» РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	
2.1. Клонирование как приговор человеческому роду: рассказ В. Сорокина «Ю».....	25
2.2. Бессмертные «трупы» в рассказе Д. Яцутко «Пустой город».....	28
2.3. Проблема гуманизма в эпоху биотехнологической революции: рассказ Е. Радова «Дневник клона».....	31
ГЛАВА 3. ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ	
3.1. Неолюди в романе М. Уэльбека «Возможность острова».....	36
3.2. Будущее как продленная современность.....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	48
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	

РЕФЕРАТ

Общий объем – 55 машинописных страниц.

Список использованной литературы включает 32 позиции.

Ключевые слова: антиутопия, человек как объект биотехнологий, персонажи-клоны, образ постчеловеческого будущего, жанрово-стилевое своеобразие.

Объект исследования: антиутопии «О дивный новый мир» О. Хаксли, «Глобальный человек» А. Зиновьева, «Ю» В. Сорокина, «Пустой город» Д. Яцутко, «Дневник клона» Е. Радова, «Возможность острова» М. Уэльбека.

Предмет исследования – человек в зеркале «антропологической» антиутопии.

Цель работы – изучение антропологического феномена в антиутопии XX – нач. XXI вв. на материале произведений английских, русских, французских писателей.

Задачи исследования:

- рассмотреть антропологический фактор в контексте биотехнологической революции;
- обратиться к проблеме клонирования, получившей воплощение в литературе;
- выявить особенности постчеловеческого будущего и характер его изображения в антиутопиях;
- соотнести воссоздаваемые в антиутопиях явления с проблемой гуманизма;
- охарактеризовать жанрово-стилевые новации создателей «антропологических» антиутопий;
- оценить место анализируемых произведений в литературе.

Методы исследования:

- аналитический;
- социологический;
- компаративистский.

Актуальность работы определяется важностью исследуемых проблем для судеб человечества. Новизна исследования – в обобщении известного материала и анализе новых произведений антиутопической направленности, касающихся проблемы человека в условиях глобализации и осуществляющейся биотехнологической революции.

Практическая значимость работы: результаты могут быть использованы в курсах лекций по истории русской и зарубежной литературы XX – нач. XXI вв., в рамках спецкурсов и спецсеминаров.

Дипломная работа выполнена самостоятельно.

SUMMARY

Thesis: 55 pages, 32 sources.

Keywords: dystopia, a person as an object of biotechnology, characters - clones, the image of the posthuman future, genre and style originality.

The object of the research: dystopia "Brave New World" Aldous Huxley, "Global cheloveinik" A. Zinoviev, "Yu" V. Sorokin, "Empty City" D. Yatsutko, "Diary of a clone" E. Radova, "A Possibility of an Island" M. Houellebecq.

The subject of the research - a man in the mirror of "anthropological" dystopia.

The main purpose of the thesis - the anthropological study of the phenomenon in the dystopia of XX - early XXI centuries on the material of English, Russian, French writers.

The tasks of the research:

- to consider the anthropological factor in the context of the biotechnological revolution;
- to refer to the problem of cloning embodied in the literature;
- to identify features of the posthuman future and the character of its images in dystopias;
- to relate reconstituted in dystopias phenomenon to the problem of humanity;
- to characterize the genre and stylistic innovations of the creators of "anthropological" dystopia;
- to assess the place of analyzed works of literature.

The methods of the research:

- analytical;
- sociological;
- comparative.

The relevance of the thesis is determined by the importance of the discussed problems for the fate of mankind. The scientific significance of the study is in the generalization of well-known works and in the analysis of new ones of anti-utopian orientation regarding the problem of a man in the conditions of globalization and the ongoing biotechnological revolution.

The practical significance: the results can be used in the course of lectures on the history of Russian and foreign literature of the XX - early XXI centuries, in special courses and seminars.

Thesis work is done on their own.

РЭФЕРАТ

Агульны аб'ём – 55 машынапісных старонак.

Спіс выкарыстанай літаратуры ўключае 32 пазіцыі.

Ключавыя словы: антыўтопія, чалавек як аб'ект біятэхналогій, персанажы-клоны, вобраз постчалавечай будучыні, жанрава-стылёвыя асаблівасці.

Аб'ект даследавання: антыўтопіі «Дзівосны новы свет» О. Хакслі, «Глабальны чалавейнік» А. Зіноўева, «Ю» В. Сарокіна, «Пусты горад» Д. Яцутко, «Дзённік клона» Е. Радава, «Магчымасць вострава» М. Уэльбека.

Прадмет даследавання – чалавек у люстэрку «антрапалагічнай» антыўтопіі.

Мэта работы – вывучэнне антрапалагічнага феномена ў антыўтопіі XX – пач. XXI стст. на матэрыяле твораў англійскіх, рускіх, французскіх пісьменнікаў.

Задачы даследавання:

- разгледзець антрапалагічны фактар у кантэксце біятэхналагічнай рэвалюцыі;
- звярнуцца да праблемы кланіравання, якая набыла ўвасабленне ў літаратуры;
- высветліць асаблівасці постчалавечай будучыні і характар яе паказу ў антыўтопіях;
- суаднесці ўзноўленыя ў антыўтопіях з'явы з праблемай гуманізму;
- ахарактарызаваць жанрава-стылявыя навацыі стваральнікаў «антрапалагічных» антыўтопій;
- ацаніць месца прааналізаваных твораў у літаратуры.

Метады даследавання:

- аналітычны;
- сацыялагічны;
- кампаратывісцкі.

Актуальнасць работы вызначаецца важнасцю праблем, што даследуюцца ў ёй, для лёсу чалавецтва. Навізна даследавання – у абагульненні вядомага матэрыялу і аналізе новых твораў антыўтапічнай скіраванасці, якія датычацца праблемы чалавека ва ўмовах глабалізацыі і біятэхналагічнай рэвалюцыі.

Практычная значнасць работы: вынікі могуць быць выкарыстаны ў курсах лекцый па гісторыі рускай і замежнай літаратуры XX – пач. XXI стст., у спецкурсах і спецсемінарах.

Дыпломная работа выканана самастойна.

ВВЕДЕНИЕ

«Антиутопия, или перевернутая утопия, – пишет английский исследователь Ч. Уэлш, – была в XIX веке незначительным обрамлением утопической продукции. Сегодня она стала доминирующим типом, если уже не сделалась статистически преобладающей» [17].

Антиутопия (греч. *αντι* – против, *ουτοπος* – место; англ. *dystopia*) – «изображение (обычно в художественной прозе) опасных, пагубных и непредвиденных последствий, связанных с построением общества, соответствующего тому или иному социальному идеалу» [9].

Как правило, в антиутопии изображается общество, зашедшее в социально-нравственный, экономический, политический или технологический тупик из-за ряда неверных решений, принятых человечеством, либо ориентации людей на губительные, в конечном счёте, ценности. В антиутопии находит выражение протест против насилия, абсурдного существования, бесправного положения личности. Она может оказаться вариантом постапокалиптики, рисующей последствия Третьей мировой войны, экологической либо технологической катастрофы, каких-то вселенских аномалий, и т.д. и т.п.

Авторы антиутопий, опираясь на анализ реальных общественных процессов, с помощью фантастики пытались и пытаются предсказать их развитие в будущем, предупредить тем самым опасные последствия негативных тенденций развития.

«Истоки антиутопии, как и утопии, лежат в Античности – в некоторых трудах Аристотеля и Марка Аврелия. Элементы антиутопии можно выявить в комедиях Аристофана (сатира на утопическое государство Платона), позднее в сатирической традиции Рабле, Шекспира, Вольтера, Свифта (третья книга «Путешествий Гулливера» (1727) с описанием летающего острова Лапута фактически представляет собой технократическую антиутопию), Жюль Верна. Из других ранних антиутопий можно отметить «Внутренний дом» У. Бесанта (1888), где человечество, достигая бессмертия, находится в полном застое» [5].

Более широкое распространение антиутопия получает в XX в.. Причины трансформации утопической литературы прежде всего были обусловлены сложностью исторического процесса в это время. «Экономические кризисы, революции, колониальные войны, возникновение фашизма, противоречивые результаты НТР» – следствием всего этого стало изменение настроений и переориентация социально-утопической литературы на антиутопию. В ней содержалось «описание более-менее отдаленного будущего, всегда присутствовала действительность, которая дышала ему в

затылок, ибо страшные картины жизни, созданные писателями в антиутопиях, были производными от реальной действительности, некоторые черты которой фантастически и полемически обострялись. Поэтому романы-антиутопии часто воспринимались как социально-критические» [1]. В зеркале антиутопии мир столетия отразился самыми мрачными своими сторонами. Так, например, в 1930-е появляется целый ряд антиутопий и романов-предупреждений гротескно-сатирического характера, указывавших на фашистскую угрозу: «Железная пята» Дж. Лондона (1907), «Осужденные на смерть» К. Фаррера (1920), «Самодержавие мистера Парэма» (1930) Г. Уэллса, «У нас это невозможно» (1935) С. Льюиса, «Война с саламандрами» (1936) К. Чапека. В 1950-е – «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери (1953), роман о борьбе с книгами, предупреждающий об угрозе глобального тоталитаризма. Опыт построения нового общества в СССР и Германии безжалостно высмеян в классических антиутопиях «Мы» (1920) Е. Замятина, «О дивный новый мир» (1932) О. Хаксли, «Скотный двор» (1945) и «1984» (1949) Дж. Оруэлла.

Б. Ланин считает, что антиутопия как жанр не сложилась бы без появления утопии. Выделенные им признаки антиутопии как жанра следующие:

1. Антиутопия – всегда спор с утопией либо с утопическим замыслом. Это не обязательно спор с конкретной утопией, с конкретным автором, хотя подобное вполне возможно. В основе антиутопии всегда лежит пародия на жанр утопии либо на утопическую идею.
2. Псевдокарнавал – структурный стержень антиутопии. Основа классического карнавала, описанного М. Бахтиным, – амбивалентный смех, а основа псевдокарнавала, порожденного тоталитарной эпохой, – абсолютный страх. Настоящий карнавал также вполне может происходить в антиутопическом произведении. Он – важнейший образ жизни и управления государством. Ведь антиутопии пишутся в том числе и для того, чтобы показать, как ведется управление государством и как при этом живут обычные, простые люди.
3. Карнавальные элементы. Они проявляются как в пространственной модели – от площади до города или страны, – так и в театрализации действия. Иногда автор прямо подчеркивает, что все происходящее является розыгрышем, моделью определенной ситуации, возможного развития событий. В других вариантах это делает повествователь, обращающий внимание на инсценировку тех или иных сюжетных коллизий или ситуаций
4. Герой антиутопии всегда эксцентричен. Собственно, в эксцентричности и «аттракционности» антиутопического героя нет ничего удивительного: ведь карнавал и есть торжество эксцентричности. Участники карнавала одновременно и зрители, и актеры, отсюда и аттракционность.

5. Ритуализация жизни. Общество, пытающееся реализовать утопию, не может не быть обществом ритуала. Там, где царит ритуал, невозможно спонтанное движение личности. Напротив, ее движение запрограммировано. Сюжетный конфликт возникает там, где личность отказывается от своей роли в ритуале и предпочитает свой собственный путь.

6. Чувственность и скабрёзность – предмет особого внимания антиутопии. Утопия нередко регламентирует жизнь человека, в том числе и его сексуальную жизнь. Утопия «до развращенности целомудренна», ибо степень государственно регламентированного разврата достигает той точки, когда качество переходит в противоположное. Антиутопия же «развращена до целомудренности», ибо отказ участвовать в государством благословленном разврате становится показателем целомудренности героя, «приватизации» его изначально приватной интимно-чувственной сферы.

7. Аллегоричность (нагляднее всего сравнение с басенными аллегориями).

8. Утопию и антиутопию нельзя не сравнивать. Причем именно: не «можно сравнивать» или «целесообразно сравнивать», но – нельзя не сравнивать. Их кровное, генетическое родство предполагает сравнение и отталкивание друг от друга. Антиутопическое действие часто прерывается описанием утопии. В стилевом аспекте это означает перебивы повествования описанием. В описании же перечислительная интонация оказывается едва ли не главенствующей.

9. Антиутопия и научная фантастика. Антиутопия рассказывает о куда более реальных и легче угадываемых вещах, нежели научная фантастика. Ведь та, скорее, ориентируется на поиск иных миров, моделирование иной реальности, иной «действительности». Мир антиутопии более узнаваем и легче предсказуем.

10. Антиутопия заимствует у научной фантастики бесчисленные трансформации временных структур. Здесь мы видим не только отнесение действия в иное время, но и путешествие героя во времени – один из распространенных приемов научной фантастики.

11. Пространство антиутопии всегда ограничено. Во-первых, это интимное пространство героя – комната, квартира, словом, жилье. Однако в обществе воплощенной утопии личность теряет право на интимное пространство. Реальное в антиутопии — пространство надличностное, государственное, принадлежащее не личности, а социуму, власти.

12. Страх — внутренняя атмосфера антиутопии. [10]

В антиутопиях, которые основываются на раскрытии разных сторон жизни «идеального общества», мир дан глазами его обитателя, изнутри, чтобы проследить движение разума и показать чувства человека, претерпевающего на себе законы данного общества. В этом случае увиденное «изнутри» оказывается не таким совершенным, каким могло показаться человеку

постороннему. Таким образом, антиутопия личностна, так как критерием «подлинности», совершенства «идеального мира» становится субъективный взгляд одного человека. «Личность в антиутопии всегда ощущает сопротивление среды. Социальная среда и личность – основной конфликт антиутопии» [10].

Романы антиутопистов во многом схожи: каждый автор говорит о потере нравственности и бездуховности современного ему поколения, каждый мир, представленный в произведениях антиутопистов, – это обнаженные инстинкты и «эмоциональная инженерия» [17]. Антиутопия осмысляет многие социальные и духовные процессы в обществе, анализирует заблуждения человечества и катастрофы не для того, чтобы всё только отрицать, а с целью указать тупики и возможные пути их преодоления. В дипломной работе мы хотели бы рассмотреть «антропологические» антиутопии, в которых показано, как активизировавшиеся в наши дни биотехнологии могут повлиять на человека и саму человеческую природу.

Объект исследования – антиутопии «О дивный новый мир» О. Хаксли, «Глобальный человек» А. Зиновьева, «Ю» В. Сорокина, «Пустой город» Д. Яцутко, «Дневник клона» Е. Радова, «Возможность острова» М. Уэльбека.

Предмет исследования – человек в зеркале «антропологической» антиутопии.

Актуальность работы определяется важностью исследуемых проблем для судеб человечества.

Новизна исследования – в обобщении известного материала и анализе новых произведений антиутопической направленности, касающихся проблемы человека в условиях глобализации и осуществляющейся биотехнологической революции.

Цель дипломного сочинения – изучение антропологического феномена в антиутопии XX – нач. XXI вв. на материале произведений английских, русских, французских писателей.

Задачи исследования:

- рассмотреть антропологический фактор в контексте биотехнологической революции;
- обратиться к проблеме клонирования, получившей воплощение в литературе;
- выявить особенности постчеловеческого будущего и характер его изображения в антиутопиях;
- соотнести воссоздаваемые в антиутопиях явления с проблемой гуманизма;
- охарактеризовать жанрово-стилевые новации создателей «антропологических» антиутопий;
- оценить место анализируемых произведений в литературе.

При исследовании используются следующие методы:

- аналитический;
- социологический;
- компаративистский.

Дипломная работа включает в себя титульный лист, оглавление, реферат на двух языках, три главы, заключение, список использованной литературы.

ГЛАВА 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1.1. Искусственные люди в романе О. Хаксли «О дивный новый мир»

Одним из первых, кто обратился к проблемам существования человечества с точки зрения развития науки генетической, был О. Хаксли. « Не будет преувеличением, если мы скажем, что О. Хаксли писал обо всем на свете. На первый взгляд, автор уделял слишком много внимания (для литератора) психобиологическому аспекту жизни человека. Что он мог знать об этой стороне человеческого бытия? Он не был биологом, как его знаменитые дед и брат, не был он и психологом, как многие его друзья. Хотя он признавался, что если бы мог родиться заново и выбрать, кем стать, то пожелал стать ученым – и стать им не по воле случая, а по природному назначению» [3]. Из писем О. Хаксли, адресованных авторам новейших научных сочинений, мы узнаем о его участии в многочисленных научных дискуссиях, конференциях. Совершенно очевидно, что профессиональные генетики, евгенисты, психиатры и психотерапевты, с которыми он обменивался мнениями, относились к нему исключительно серьезно, порой воспринимая как коллегу и вовлекая в новаторские проекты.

Идеи, над которыми О. Хаксли «так напряженно размышлял в течение своей жизни (в разные периоды это были разные идеи, но биология, демография и терапия были его постоянными увлечениями), нашли свое воплощение, к счастью, не только в культурологических или социологических трактатах, но и в его романах» [3]. Из-под пера О. Хаксли вышли такие произведения, как «Слепец в Газе» (1936), «Время должно остановиться» (1944), «Обезьяна и сущность» (1948), «Двери восприятия» (1954), «О дивный новый мир» (1932), «Возвращение в дивный новый мир» (1958). Ему также принадлежит книга «Как вернуть зрение» (1943), в которой автор описывает собственные методы борьбы с надвигающейся слепотой. Но самой значительной работой, принесшей О. Хаксли всемирную известность, стал роман «О дивный новый мир».

Место действия в романе – одно Мировое Государство, девиз которого заключается в трех словах – ОБЩНОСТЬ, ОДИНАКОВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ. Уже с первых строк произведения становится очевидным тоталитарный тип изображенного общества. Более того, контроль начинается еще до появления человека на свет – восторжествовала так называемая научная организация общественной системы. Это выражается в том, что люди здесь больше не рождаются традиционным путем, а выращиваются на специальных

заводах – человекофабриках. Конвейерный выпуск до сотни людей за раз не вызывает удивления или протеста – для эры Форда это настоящее достижение: «Одно яйцо, один зародыш, одна взрослая особь – вот схема природного развития. Яйцо же, подвергаемое бокановскизации, будет пролиферировать – почковаться. Оно даст от восьми до девяноста шести почек, и каждая почка разовьется в полностью оформленный зародыш, и каждый зародыш – во взрослую особь обычных размеров. И получаем девяносто шесть человек, где прежде вырастал лишь один. Прогресс!» [27, с. 9], – восклицает директор инкубатория. Казалось бы – действительно прогресс, учитывая, например, демографические проблемы некоторых современных стран. Но на деле это не так. В романе изготавливаемые люди подвергаются не только евгенике, призванной создавать улучшенный генофонд, но и дисгенике, которая применяется в случайном порядке, но довольно эффективно, благодаря чему интеллект и физическое состояние у определенных категорий населения находятся в регрессе. Генетическое ранжирование и стандартизация искусственных людей у О. Хаксли доведены до крайности, но вполне осуществимы в будущем, по мнению автора.

Все люди нового мира теоретически равны, но на стадии развития эмбриона они разделяются на пять каст, отличающихся умственными и физическими способностями. Дифференциация начинается с «альф», обладающих максимальным интеллектуальным потенциалом и способных занять наивысшую ступень в социальном строю, до наиболее примитивных «эпсилон» – тупых, дабы не задавались лишними вопросами и не мыслили, зато достаточно сильных, чтобы выполнять любую физическую работу. Довольно удобный для власти имущих способ построения пирамиды общества, который можно осуществить на самом начальном этапе жизни – зародышном. Для поддержания стабильности такой системы нужна гипнопедия – «величайшая нравоучительная сила всех времен, готовящая к жизни в обществе» [27, с. 18], – иронизирует писатель. Она призвана привить гордость за принадлежность к своей касте, почтение по отношению к высшей касте и презрение к низшим кастам. Вырастить в колбе гения и дебила технология будущего у О. Хаксли способна, но как решить проблему эмоций, как лишить людей чувства прекрасного? Для этого нужно привить ненависть ко всему, что может отвлечь, заставить мыслить, улыбаться или плакать. Подобное достигается путем «высушки» мозга с помощью электрошока. «Что человек соединил, природа разделить бессильна. Мозг рассуждающий, желающий, решающий – весь насквозь будет состоять из того, что внушено. Внушено нами! – воскликнул Директор торжествуя. – Внушено Государством!» [27, с. 15]. Государство в антиутопии всегда мнит себя Всевышним, даже если им проповедуется неприкрытая антигуманность. Таким образом, можно сделать

вывод, что эра Форда – эра недолгожданных, которых, помимо выращивания искусственным путем, еще и зомбируют, не оставляя права на выбор и самореализацию. Человек, рождаясь с диагнозом «эпсилон», по сути своей не способен осознавать себя личностью, он обречен на это своим формированием и воспитанием, что вполне удовлетворяет требованиям государства, которому проще управлять машинами, даже если они класса «А». Основная идея такого устройства мира заложена в словах Главноуправителя: «Вообразите вы себе завод, укомплектованный альфами, то есть индивидуумами разными и разными, обладающими хорошей наследственностью и по формовке своей способными – в определенных пределах – к свободному выбору и ответственным решениям. Человек, сформованный, воспитанный как альфа, сойдет с ума, если его поставить на работу эпсилон-полукретина, сойдет с ума или примется крушить и рушить все вокруг. Альфы могут быть вполне добротными членами общества, но при том лишь условии, что будут выполнять работу альф. Только от эпсилона можно требовать жертв, связанных с работой эпсилона, – по той простой причине, что для него это не жертвы, а линия наименьшего сопротивления, привычная жизненная колея, по которой он движется, по которой двигаться обречен всем своим формированием и воспитанием. Даже после раскупорки он продолжает жить в бутылке – в невидимой бутылке рефлексов, привитых эмбриону и ребенку. Конечно, и каждый из нас, — продолжал задумчиво Главноуправитель, — проводит жизнь свою в бутылке. Но если нам выпало быть альфами, то бутылки наши огромного размера, сравнительно с бутылками низших каст. В бутылках поменьше объемом мы страдали бы мучительно» [27, с. 99].

О. Хаксли прогнозирует, что в таком будущем все естественные свободы людей значительно уменьшаться, скорее даже отнимутся, зато свобода сексуальная возрастет. Традиционные любовные отношения между мужчиной и женщиной потеряют смысл, главной их целью станет удовлетворение сексуальной потребности. Института брака в «дивном мире» не существует, наличие постоянного партнера считается попросту неприличным. В обществе новой эры никто уже не вспоминает о том, что когда-то каждый имел родителей, а люди давным-давно были живородящими. «Родители» – это не более чем научный термин, а рождение детей – самая настоящая пытка. Время родителей осталось в прошлом – в эпохе (как считается) грубого живородящего размножения.

Доказывается, что «свободные отношения» – залог счастья и процветания этого мира. Детей с раннего возраста приучают к эротическим играм, учат видеть в существе противоположного пола партнера по наслаждению и тому, чтобы менялись эти партнеры как можно чаще. Эмоции, страсти – это то, что может лишь помешать «безоблачному существованию». В

дофордовском мире каждый имел семью, а теперь «...каждый принадлежит всем остальным» [27, с. 23]. Каждый получает каждого, а если этого мало, то существует «заменитель бурной страсти», который усилит потребность в еще большем числе пустых отношений. Внушается: чем больше отношений, тем счастливее человек, ведь тогда он не способен будет познать боль неразделенной любви, утраты или разочарования. Однако он никогда не познает и истинной любви, привязанности, сострадания, что и происходит.

Искусственные люди живут одним днем, им чужда история человечества, ведь персонажам внушают: «История – сплошная чушь» [27, с. 20].

Перед нами мир, лишенный высокого искусства, наполненный «ощущалками» и «запахowymi органами», которые концентрируют всю гамму ощущений, а отсутствие удовлетворения духовных потребностей – это всего лишь плата за стабильность: « Мы пожертвовали высоким искусством. Взамен него у нас ощущалка и запаховой орган» [27, с. 92]. О. Хаксли описывает не только искусственных людей, но и искусственный мир. Ирония переходит у автора в абсурд при описании целых залов, наполненных ощущалками, или упоминании о профессоре ощущального искусства из Института технологии чувств.

Умиральница – так в романе именуется место последнего пребывания людского мусора. Смерть перестала быть чем-то ужасным, детей приводят посмотреть на «скоротечников», уверяя их, будто смерть – не причина рыдать по человеческим особям. Смертовоспитание в соединении с глобальным производством новых людей фактически делает незаметным отсутствие кого-либо.

Ничто не омрачает существование искусственных людей, поскольку большинство проблем, в особенности психологических, решается с помощью «безвредного» наркотика – сомы. «Сома у О. Хаксли – не случайное название наркотика. Этим санскритским словом обозначался ритуальный напиток у индоиранцев. Сома фигурирует также в ведической и древнеперсидской культурах» [14]. В «дивном новом мире» потребление наркотика не считается грехом, которому предаются в одиночестве, а является целым политическим институтом, самой сутью жизни, свободы и стремления к счастью. Это, по мысли автора, основа, на которой строится мир будущего в романе.

Сома – доминирующая из привилегий, дарованных народу, – является в то же время сильнейшим инструментом правления в руках диктатора. Систематическое одурманивание индивидов на благо государственного и заодно их собственного удовольствия является главным положением в политической программе Верховных Контролеров. Ежедневное принятие сомы служит надежной защитой от социальной дезадаптации, общественного

недовольства и распространения антиправительственных идей. В религии больше нет смысла, наркотик способен утешить и возместить потери. Благодаря ему мир кажется иным, более светлым и справедливым, а все проблемы исчезают, как будто их и не было:

«Примет сому человек – время прекращает бег,
Быстро человек забудет, и что было и что будет» [27, с. 47].

Нет больше недовольства своим положением, своей ограниченностью, есть только «новый дивный мир». В таком обществе не предусмотрены конфликты, а если таковые и возникают, то пара таблеток способна решить их. Действительно, О. Хаксли считал самым тонким методом террора – фармакологический, что он и прогнозировал в будущем. Даже при самых ужасных обстоятельствах (а именно таковы они в романе) все счастливы, ослеплены, одурманены, безвредны. «Ныне каждый может быть добродетелен. По меньшей мере половину вашей нравственности вы можете носить с собою во флакончике. Христианство без слез — вот что такое сома» [27, с. 99]. Естественно, ни о какой религии, кроме этой, в романе не упоминается, есть только Господь Форд, дарующий мир и покой.

Верхушка иерархии обладает известной свободой выбора, свободой слова, представители низов в свободе даже не нуждаются, поскольку это не заложено в их природе. Достаточно предоставить возможность свободных контактов с противоположным полом, бесплатные развлечения и подкрепить это состояние дозой наркотика, и можно смело утверждать, что низшие слои не будут доставлять особых неудобств ни тем, кто стоит на более высокой ступени иерархии, ни правительству. Человек мыслящий никогда не был угоден власти имущим, потому что мыслить – значит жить, значит видеть недостатки системы и желать эту систему изменить, а «слепое» счастье и мысли уровня удовлетворения только физических потребностей ничего изменить не могут, вследствие чего угрозой «всеобщего благополучия» они не являются.

Мысли, поступки и чувства людей в описанном мире должны быть идентичны, даже самые сокровенные желания одного должны совпадать с желаниями миллионов других. Любое нарушение идентичности ведет к нарушению стабильности, угрожает всему обществу – такова правда «прекрасного мира». Эта правда обретает зримые очертания в устах Верховного Контролера: «Теперь же мир стабилен, устойчив. Люди счастливы: они получают все то, что хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности, не знают болезней, не боятся смерти, блаженно не ведают страсти и старости, им не отравляют жизнь отцы с матерями, нет у них ни жен, ни детей, ни любовей – и, стало быть, нет тревог и волнений, они так сформованы, что практически не могут выйти из рамок положенного. Если же и случаются сбои, то к нашим услугам сома. Мы

адаптируем их, и после этого они не могут вести себя иначе, чем так, как им следует» [27, с. 92]. По такому принципу и выстраивается пирамида, в которой лишь небольшая часть запрограммирована на великие открытия, а вся остальная – на физический труд. О. Хаксли считает вполне возможным появление подобного общества в действительности путем привития людям любви к рабству: «Любовь к рабству может утвердиться только как результат глубинной, внутриличностной революции в людских душах и телах. Чтобы осуществить эту революцию, нам требуются, в числе прочих – усовершенствованные методы внушения, заменитель алкоголя и других наркотиков и менее вредный, и дающий большее наслаждение, чем джин или героин, надежная система евгеники, предназначенная, чтобы стандартизировать человека. Да и сексуальный промискуитет. По мере того как политическая и экономическая свобода уменьшаются, свобода сексуальная имеет склонность возрастать в качестве компенсации. И диктатор (если он не нуждается в пушечном мясе либо в семьях для колонизации безлюдных или завоеванных территорий) умно поступит, поощряя сексуальную свободу. В сочетании со свободой грезить под действием наркотиков, кинофильмов и радиопрограмм она поможет примирить подданных с рабством, на которое те обречены» [27, с. 303-304]. Проблема искусственного создания людей, изменения их природы путем зомбирования и тотального контроля действительно может иметь катастрофические последствия, венцом которых станет гибель цивилизации, дает понять О. Хаксли.

Возможность искусственного воспроизводства людей, на первый взгляд, может показаться вполне приемлемой и даже спасительной, но это не так. Ф. Фукуяма (американский философ, политолог) в своей книге «Наше постчеловеческое будущее» уделяет особое внимание роману О. Хаксли, размышляет о современных направлениях биотехнологии и высказывает множество аргументов против клонирования. Он рассуждает о возможных негативных последствиях как для отдельного человека, так и для человечества в целом. Так, например, могут возникнуть побочные явления, и в один прекрасный день человеческие клоны начнут считать себя более идеальными, нежели обычные люди, и все человеческое, вплоть до естественного процесса размножения, будет казаться им жутким. Ф. Фукуяма также рассуждает о том, что в будущем мир может подвергнуться бесконечной тирании. По его мнению, многие авторитарные государства часто рушатся именно после смерти диктатора. Естественно, многие лидеры захотят клонировать себя, чтобы попытаться увековечить личную власть. « В будущем, когда технология увеличит продолжительность жизни, такие общества могут застрять в абсурдном карауле у смертного одра не на годы, а на десятилетия» [25, с. 46].

Философ считает, что сегодня в мире много воинствующих государств, лидеры которых мечтают поработить другие страны. Непрекращающиеся террористические атаки приводят в ужас население всей планеты. Страшно подумать, что может случиться, если посредством клонирования такие государства смогут создавать целые армии псевдолюдей, обладающих пониженным интеллектом, и затевать новые войны. Подобная ситуация может стать началом конца для всего живого на Земле.

Обязательно ли использовать генетику, новейшие технологии для того, чтобы программировать людей на определенное поведение, мировосприятие? Если общество развивается как тоталитарный иерархический строй, основанный на изощренном физическом и духовном порабощении, строй, пронизанный всеобщим страхом и ненавистью, где обыватели не живут, а существуют под неусыпным наблюдением «Старшего брата», глядящего с тысячи портретов, Верховного Контролера или власти анонимной бюрократии, в таком случае можно говорить о том, что люди, не выращенные в пробирке и не похожие друг на друга, как две капли воды, но не имеющие свободы выбора, свободы слова, задавленные режимом, забывшие о понятии «правда», начинают походить на клонов, – это тот же расходный материал, те же существа, только рожденные естественным путем.

Спустя десятилетия О. Хаксли сравнит вымышленный много лет назад мир далекого будущего с миром вполне реальным, окружавшим его на момент написания другой книги – «Возвращение в дивный новый мир». С момента выхода знаменитого романа прошло почти 30 лет, но прогнозы автора не стали утешительными, напротив, они стали еще более пугающими. Проблема концентрации власти в руках правящей олигархии, перенаселенность планеты и главная тема – свободы и ее врагов рассматривается в книге с позиций не просто писателя, а мыслителя. Вот к каким выводам он приходит: «Единообразие и свобода несовместимы, а здесь по сути все единообразны. Здесь то, что в теории явилось сведением беспорядочного многообразия к понятному единству, на практике становится низведением человеческой многогранности к недочеловеческому единообразию, свободы — к рабству» [28, с. 9]. Такое общество противоречит всем мыслимым законам о личных свободах и возникает вопрос – как долго такое общество сможет просуществовать и в чем цель такого существования? Какова цель «производства» людей и почему нельзя дать возможность людям рождаться людьми? Даже если это потребует огромных затрат, разработки сложных систем и цепочек по созданию искусственных псевдолюдей, это не остановит антиутопическое государство, доказывает О. Хаксли. Армии живых роботов последуют в заданном им направлении, беспрекословно будут подчиняться абсурдным предписаниям и никогда по-настоящему не осознают

происходящего, так как будут лишены возможности мыслить. О. Хаксли предупреждает об опасности неконтролируемой биореволюции, призывает к обдуманному использованию «биоресурсов», осуществления всего прогресса в целом.

Но не стоит забывать и о том, что закат человечества может наступить потому, что однажды мы начнем игнорировать действительность, просто забудем, кто мы, что мы, какова наша цель и что стоит делать, чтобы не стать размноженными копиями без имен, потерявшими свое «я». Близнецы с неразличимой одинаковостью – такими видит автор своих персонажей, а если и появится среди них однажды «дикарь», решивший противостоять миллионам безликих, то он будет обречен на гибель.

По мнению исследователей, «О дивный новый мир» занимает особое место в общем ряду футурологических произведений, так как, с одной стороны, этот роман основан на реальных научных достижениях, открытиях и прогнозах. С другой стороны, «этот текст направил и продолжает направлять читательские ожидания не только в отношении позднейшей прогностической художественной литературы, но и в отношении научного прогресса в целом. Так, например, не напиши О. Хаксли о клонах 70 лет назад, скорее всего, мир не выразил бы столь тревожных подозрений относительно перспектив, открывшихся после рождения-изготовления овцы Долли» [3].

1.2. Человек и «человек» в романе А. Зиновьева «Глобальный человек»

О превращении человечества в единый «человек» в эпоху начавшейся глобализации предупреждает А. Зиновьев – писатель, учёный-логик и социальный философ. Он является одним из наиболее известных и плодотворных авторов в жанре социологического романа. В этом жанре написана и самая известная книга А. Зиновьева «Зияющие высоты» (1976), и такие произведения, как «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Без иллюзий» (1979), «Жёлтый дом» (в 2-х томах) (1980), «Иди на Голгофу» (1985), «Живи» (1989), «Глобальный человек» (1997), «Катастрофа» (1988), «Искушение» (1991), «Русская трагедия (Гибель утопии)» (2002).

А. Зиновьев разработал собственную научную теорию развития современной цивилизации на основе исследований в области логики и социологии. В обобщающей фундаментальной монографии «На пути к сверхобществу» (2002) подробно представлены методологические и логические основы его социологии, формулируется категориально-понятийный аппарат для анализа исторических процессов, рассматриваются как в общем виде, так и конкретно основные тенденции развития современного человечества. Для его характеристики автор использует метафору «человек». В работе «Фактор понимания» А. Зиновьев акцентирует внимание на том, что не всякое

человеческое объединение есть «человеиник» и поясняет: «Члены человеиника живут совместно исторической жизнью, воспроизводя себе подобных людей; вступая в регулярные связи с другими членами человеиника, они живут как целое; в составе целого их характеризует разделение функций и, соответственно, различие занимаемых позиций (частью – идущих от природных различий, но прежде всего в силу условий человеиника); совместными усилиями члены человеиника обеспечивают его самосохранение; человеиник занимает и использует определенное пространство, в пределах которого обладает автономией внутренней жизни, которую поддерживает и защищает от внешних угроз; человеиник обладает внутренней идентификацией, то есть его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих, а также внешней идентификацией, то есть люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеиника осознают их как чужих» [8, с. 26]. Обязательным для человеиника является не только телесное сходство, но и ментальное, которое имеет гораздо большее значение. Многие признаки подобного объединения позволяют автору уподобить его муравейнику.

Сращивание «человека» и «муравейника» в романе «Глобальный человеиник» (1996) А. Зиновьев определяет таким образом: «...Наш человеиник отличается от муравейника тем (среди прочих признаков), что в нем во всех частях, во всех сферах, во всех разрезах, во всех подразделениях, на всех уровнях структуры, всегда и во всем идет ожесточенная борьба между “человьями”, прикрываемая и сдерживаемая, но одновременно обнажаемая и поощряемая всеми достижениями цивилизации» [7, с. 6]. Человеиник в процессе эволюции, считает писатель, проходит три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Сверхобщество – это в значительной степени уже наше настоящее. На стадии сверхобщества складывается единый, глобальный человеиник, в отличие от предыдущих стадий, которые представляли собой множество человеческих объединений, миры человеиников, и прежде всего, в отличие от стадии общества, представленного сотнями обществ, стянутых в ряд цивилизаций. По мнению автора, в настоящее время исчезли условия для возникновения новых цивилизаций, а те, что сохранились, в том числе западноевропейская, обречены на исчезновение, поскольку не соответствуют современным условиям жизни в масштабе всего человечества.

Продолжение значимых тенденций настоящего в будущем призвано подтвердить наблюдения и размышления писателя. Сверхобщество, с точки зрения А. Зиновьева, будет представлять собой господство Запада. Этот процесс протекает на основе и в соответствии с законами социальности, в силу

которых другие – незападные народы и страны будут занимать подчиненное и второстепенное положение.

В романе представлена картина жизни людей двадцать первого столетия. Всеобъемлющий экспорт западнизма (термин А. Зиновьева), традиции и ценности которого стали глобальными, изменил планету, превратив ее в «однопартийный» социум под руководством Глобального Общества. На планете наблюдается социальное расслоение, причем это расслоение происходит уже в масштабах целой планеты.

Уродливое и искаленное общество будущего, изображаемое писателем, вполне реально, если учитывать тот факт, что произведения А. Зиновьева основываются на собственных социологических исследованиях. Скептический взгляд на проблемы общества, стоящего на пороге полной глобализации, вполне оправдан, учитывая ту ситуацию, которая уже сложилась в настоящее время. Еще Ф.М. Достоевский в своем творчестве не раз предупреждал о грядущем мире без Бога, без духовных ценностей.

«Ф.М. Достоевский стремился выделить личность из толпы; в пространстве «глобального человеяника» это невозможно, так как каждый человек является всего лишь «винтиком» огромной, всепоглощающей государственной машины. А. Зиновьев изображает мир, к созданию которого стремился Великий инквизитор: человек счастлив по регламенту, его свобода и воля принадлежит власти имущим» [22, с. 21]. Негативные тенденции развития в романе доведены до так называемого апогея. Каким же будет человек глобального общества и останется ли в нем хоть что-то от того творения, которое воспевали в своих стихах гении слова? На этот вопрос А. Зиновьев дает неутешительный ответ, представляя читателю общество западоидов (еще один термин писателя), – целый мир обезличенных индивидуумов и безликих величин. На первый взгляд, может показаться, что существование человеяника действительно достигло наивысшей точки в своем развитии, ведь все изобилует новейшими разработками в области научно-технического прогресса, медицина шагнула так далеко, что сегодняшние достижения кажутся просто смешными. Чего стоит создание роботов, способных выполнять интеллектуальные и двигательные функции людей, или создание искусственных заменителей частей человеческого тела и пересадка их от одних людей другим, геронтология, добившаяся продления жизни человеческих организмов до 200 лет. Идеальное, казалось бы, общество, в котором даже будущего ребенка можно запрограммировать в специальном «Центре проектирования детей», дабы он родился с определенными как внешними (рост, вес, цвет глаз, форма носа и т.д.), так и внутренними (практичность, деловитость, расчётливость, хладнокровие, способность быстро находить нужное решение, инициативность, настойчивость) отличиями. Таков и главный

герой романа: «Я был тихим и послушным, не капризничал, не портил вещей, хорошо спал, аккуратно ел, не пачкал одежду, не ссорился с другими детьми, одним словом – был ангелом во плоти. Родители не могли нарадоваться этому и всячески прославляли Центр проектирования детей» [7, с. 19]. Интересно, что среди качеств, предпочитаемых при выборе будущего ребенка, никто из родителей не выбирает таких, как самопожертвование, бескорыстие, правдивость, доброта, доверчивость, заботливость о ближнем, откровенность. Судя по всему, в Глобальном Обществе потребления, представленном в романе, для существования они и не уместны. Для «прогресса» достаточно смоделировать способность клеветать, доносить, предавать. Поэтому перед нами лишь видимость благополучия, на самом же деле такие тенденции неизбежно ведут к описанному в работах нашего современника Ф. Фукуямы постчеловеческому будущему.

Личные компьютеры стали называться «исповедальниками», а в более общем смысле – так называемой материализацией духовной жизни бестелесных душ. Эволюция прошла путь от печатания пальцами до думания про себя, и теперь именно компьютер носит в себе все богатства познания, накопленные за человеческую историю. Компьютерная техника способна производить все необходимые расчеты, вплоть до выбора подходящего спутника жизни, места проживания. Все решения, которые человек принимал самостоятельно, теперь можно доверить надежному виртуальному «другу». С такими возможностями мышление как неотъемлемая составляющая развития личности не имеет мотивации. Наблюдается полный упадок уровня образования, понимания происходящего. Рядовые граждане и не должны знать, как устроено их общество, ведь «муравьи, которые понятия не имеют о том, что получается из их совместной деятельности, строят превосходные муравейники и живут в них так, что им позавидовать можно» [7, с. 3]. Мозг человека развивается для борьбы за блага материальные, а не для создания богатства внутреннего мира. Нет больше никакой тайны в устройстве этого самого внутреннего мира, поскольку досконально изучено его строение и функционирование.

Что касается нравственного аспекта жизни Глобального Общества, то всепоглощающая сила прогресса повлияла на все его стороны. Индивид будущего не нуждается в близком человеке, друге, муже или жене, поскольку компьютер в полном объеме может заменить любое общение. Самым ярким примером символа посттелесной эпохи стала у А. Зиновьева Ева Адамс – посредственность, сделанная на заказ в «Центре проектирования детей», всю свою пустую жизнь проведшая возле монитора компьютера (Адама). «Единственной и всепоглощающей страстью её жизни стал Адам. Она педантично записывала в него все события своей жизни до мельчайших подробностей. Как спала, когда и с каким настроением проснулась, какие

видела сны, как работал её желудок и кишечник, что ела, у каких была врачей, что покупала и сколько при этом уплатила, что читала, что видела в телевизоре... Короче говоря, она фиксировала каждый шаг своей жизни, каждое переживание, каждую мысль. Время от времени Адам делал суммарные подсчёты того, сколько она съела хлеба и мяса, сколько выпила кофе и чая, сколько испустила мочи... С помощью Адама она находила самые экономные траты на питание и маршруты, диету и режим дня. И все это она педантично делала до восьмидесяти лет. Если бы все записанное ею в памяти Адама, напечатали в виде книг, получилось бы более пятисот объёмистых томов» [7, с. 10]. Автор подчеркивает, что человеки не испытывают разочарований в своей бессодержательной жизни. Не случайно выбраны им имена Адам и Ева – первых библейских людей, считающихся прародителями рода человеческого; но в отличие от библейской Евы «пустышка» не оставила никакого потомства. Сама возможность превращения будущего в тысячи пустопорожних людей приводит в ужас.

Успехи секс-индустрии позволяют развернуть целую секс-империю, берущую под контроль всю интимную сторону человеческой жизни. Прежние отношения между мужчиной и женщиной, характерные в «прошлые века, включая первую половину XX века» [7, с. 75], прогнозирует А. Зиновьев, уйдут, уступая место «чисто технической» и извращенной свободе. В конечном счете все средства пропаганды теряют эффективность, а секс как средство оболванивания масс вечен. Даже если он приедается, то все равно способен держать людей «в своих руках», вынуждая на все большие и большие извращения. По мнению автора, это один из сильнейших механизмов управления человеком. Поэтому обществу в романе в круглосуточном режиме навязываются секс-школы, телеканалы, обучающие сексу и пропагандирующие свободу отношений: «В результате люди с детства настолько хорошо узнают все, что касается любви и секса, что уже никогда потом не испытывают никакого ощущения тайны, возвышенности, божественности любви» [7, с. 29].

Изменится, полагает А. Зиновьев, и отношение к понятию «конечности» человеческой жизни, к ценности тела как сосуда души. Какой смысл в придании тела земле, если на кладбище душ каждый желающий может «воссоединиться» с умершим посредством личного компьютера, который тот имел при жизни. При желании и наличии денег можно хоть каждый день «видеть» покойного, «говорить» с ним – это ли не имитация бессмертия и бесконечности существования человека? «Живые граждане копили всю жизнь на то, чтобы сохранить свою бессмертную душу в материализованном виде навечно. К кошмару обеспечения благополучной старости, преследовавшему

живых с рождения, присоединился кошмар обеспечения материальной вечности идеальной души» [7, с.109], – повествует герой-рассказчик.

Геронтология добилась невероятных успехов, и старость, хотя и наступает, но значительно позже. Количество людей, достигающих возраста двухсот лет, увеличивается, каждый хочет как можно дольше задержаться в «театре призраков». Автор констатирует, что в будущем это может привести к тому, что разница между родителями и детьми существенно сократится, одновременно будут жить по пять поколений: «А какие могут быть родственные чувства у 150-летних родителей к 125-летним детям, 100-летним внукам, 75-летним правнукам, 50-летним праправнукам, 25-летним прапраправнукам и новорождённым прапрапраправнукам?!» [7, с. 108] – задается вопросом повествователь. Если предположения писателя оправдаются, то однажды люди превратятся в биологические машины, преследующие одну цель: жить как можно дольше.

Человек в Глобальном Обществе будущего подконтролен власти. По мысли А. Зиновьева, управление за человеком будет осуществляться с помощью новейшей идентификационной системы, отдаленно напоминающей пластиковые карточки в XX веке. Преимущества системы в том, что с ее помощью можно вычислить местонахождение любого человека (например преступника, замысливающего грабеж или убийство), недостатки же, вопреки обещаниям ее сторонников, все те же: тотальный контроль и посягательство на личные права и свободы. По сути, подобная система существует и сегодня, при необходимости можно узнать всю подробную информацию о каждом. Но в человекине стало возможным создать и расположить идентификационный центр непосредственно в мозгу. Глобальное Общество теперь имеет полное право в прямом смысле копаться в головах своих граждан. Интересен тот факт, что появление системы контроля автоматически разделило граждан на две группы: одна имеет возможность оплатить такую систему для личного пользования, а другая нет. Следовательно, преступность за счет пользователей первой группы исчезла, а вот во второй группе еще больше участились случаи разбоя. Возможно, это новый вид естественного отбора, когда выживает сильнейший, а возможно, это поддержание видимого благополучия на вершине айсберга. Люди с возможностями получают все: долгую жизнь, благополучие, свободный секс, остальные – ничего. Нищета порождает недовольство, насилие, убийства. Власть у А. Зиновьева направила все силы на удовлетворение потребностей денежных мешков, а что происходит «на дне» социального общества никого уже не волнует. Самоочищающийся организм функционирует автономно: кто-то умрет сам, «почти сто процентов бездомных становятся психически больными, а сто процентов заболевают физическими болезнями» [7, с. 150], кого-то просто убьют после просмотра фильма о

положительной роли преступности в целях построения справедливого общества.

В вопросах религии западоиды занимают формальную позицию, поскольку поступать как искренне верующие существа они не могут по определению. Религия в Глобальном Обществе – скорее формальность, чем идеология. Само понятие религии в сознании людей искажено: «Тебя никто не будет порицать за то, что ты будешь открыто признавать и пропагандировать шарлатанские учения о жизни души после смерти тела. Но ты сразу же ощутишь негативные последствия, если где-то публично заявишь, что религиозные учения о человеке – вздор» [7, с. 30].

Человек будущего у А. Зиновьева счастлив, может в полном объеме пользоваться благами, предлагаемыми ему глобальным обществом, но он спроектирован, роботизирован, оболванен нравственно, идеологически, духовно. Счастлив искалеченный индивид потому, что не только не только не осознает своей зомбированности, но и не осознает, что он человек.

«Мы создали величайшую цивилизацию в истории мироздания. Но мы же тем самым породили и источник величайших зол для всего живого. Мы стали самыми страшными врагами всего живого и разумного. Мы родились как плод клятвопреступления, коварства, диверсии, подлога и блуда, объявив себя затем наследниками всего того, что сделали другие. И мы же отрезали все пути борьбы за человеческое существование. Остался один путь спасения человека и вообще жизни на нашей планете – разрушение всей нашей цивилизации. Возможно ли это? Скорее всего это делается само собой» [7, с. 208], – к таким пессимистичным выводам приходит повествователь.

Прогресс имеет значение, прорывы в медицине могут принести настоящую пользу обществу, но необходимо, чтобы сохранялся баланс между искусственным и естественным. В антиутопии А. Зиновьева искусственное постепенно вытесняет естественное, и как следствие – наступает регресс и разрушение во всех сферах человеческого, а чрезмерное разнообразие порождает однообразие.

Глобальный человек, изображенный в романе, – общество не русское. Но написан он русским писателем, значит русский менталитет «так или иначе отражается в произведении» [7, с. 22]. А. Зиновьев призывает человечество, стоящее на пороге новой эры, переосмыслить, что суть истинные достижения цивилизации, а что суть псевдоценности, превращающие людей в роботонасекомых. Автор подчеркивает, что его произведение не связано с футурологией, которая представляет собой прогнозирование будущего в виде экстраполяции (прогноз продолжения в будущее тенденций настоящего) и моделирования (на основе анализа модели-аналога ситуации или процесса), которые могут быть проектом или сценарием желаемого состояния общества.

«Представлением будущего можно считать и проекты научной фантастики, которая одновременно содержит в себе черты утопического и футурологического» [26]. Общество, описанное А. Зиновьевым, указывает на будущее, которое наступит вслед за настоящим, если человечество пойдет по пути эволюции муравейника. Писатель считает, что в бездуховном, омассовленном мире, несмотря ни на какие открытия и изобретения техники, неизбежной останется серая и унылая однообразная рутина жизни. Такое будущее ужасно даже не тем, что в нем проявится что-то ужасное, а тем, что ничего подлинного и прекрасного в нем вообще не будет. Антиутопия социологического типа «Глобальный человек» убеждает нас в правоте А. Зиновьева.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА КЛОНИРОВАНИЯ В «МАЛОЙ ПРОЗЕ» РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

2.1. Клонирование как приговор человеческому роду: рассказ В. Сорокина «Ю»

Современная антиутопия неоднородна, она представляет собой сложное художественное явление, в котором контаминируются традиционные для этого жанра темы с новыми, актуальными для современности проблемами. Среди них – проблема клонирования, которая рассматривается В. Сорокиным, Д. Яцутко, Е. Радовым. Масштабных произведений на эту тему пока у них не появилось, названные авторы обращаются к «малой прозе», но и в «малом» говорят о «большом».

В рассказе В. Сорокина «Ю», входящем в книгу «Пир» (2001), противостояние существа и системы происходит в эпоху культа еды и бесконечного чревоугодия. В. Сорокин так определяет главную идею своей книги: «Едой и ее потребителями в «Пире» становится буквально все: растения, животные, рыбы, птицы, люди, вещи, слова, буквы, лозунги, продукты генной инженерии в обществе будущего, речи, события, чувства и даже пустота» [6].

«Пир» «содержит точный диагноз состояния современной цивилизации и наносит мощный удар по всем видам идеологического (в широком смысле) внушения, враждебным жизни, калечащим человека, подготавливающим антропологический апокалипсис» [19, с. 5].

Клонирование еды в изображении автора достигло-таки своего апогея, и общество пришло к полному отрицанию и фактически запрету употребления натуральных продуктов.

В самом общем значении, клонирование – искусственное (в лабораторных условиях) получение точной копии какого-либо живого объекта. В рассказе клонирование распространилось не только на продукты, но и на людей, только процесс вытеснения естественных существ искусственными здесь происходит постепенно и приводит к полному видоизменению антропоса. Так, отдаленные человеческие черты имеет главный герой рассказа – Ю: «Он был строен, гибок и RW-подвижен. Лицо его, по воле зачинателей, было антропоморфным, зрачки глаз – золотыми, волосы палладиевыми. На месте половых органов у Ю сияло мармолановое полушарие. Мочеточник был совмещен с анусом. Крылья были обыкновенные, с естественным перьевым покровом серо-голубых оттенков» [20, с. 219]. Ю стал 4 «ребенком» в «семье» друзей, созданным для спасения Древа Мировой Кухни. Аавер, Данно и Еань

выступали за возвращение настоящей еды и были противниками всего клонированного. Трое их предыдущих детей погибли во имя высшей цели, и Ю становится их последней надеждой.

Главный герой очень быстро добивается признания в кулинарном мастерстве. «Ю приготовил свою первую в жизни мясную картину под названием "Обманутая девушка". На стальной круг диаметром в полтора человеческих роста он уложил газон из ростков молодого бамбука под сладким соусом, поставил скамейку, собранную из обжаренных ребер к-антилопы, а на скамейку посадил девушку, читающую прощальное письмо покинувшего ее любовника. Тело девушки Ю сложил из комбинаций разнообразно приготовленного к-мяса: от печенной на эвкалиптовых углях к-буйволиной грудинки до тушенной в айране к-черепашьей печени. Вырезав голову девушки из сваренного в белом вине мозга к-гориллы, Ю раскрасил ей лицо кокосовым молоком, жженым медом и толчеными пряностями, заплел тройную косу из нарезанной в лапшу к-бараньей вырезки, покрыл прическу слоем нежного к-перепелиного желе. Он одел девушку в платье из четырнадцати сортов пармской к-ветчины и вложил в ее к-соловьиные руки тончайший листок письма, вырезанный из белоснежной груди голландской двухсоткилограммовой к-индейки» [20, с. 230].

В рассказе отчетливо прослеживаются авторская ирония и сарказм. С одной стороны, клонирование помогает решить проблему голода, которая и сегодня занимает в мире одно из первых мест. Но, с другой стороны, изображаемое общество до тошноты пресытилось гастрономическим разнообразием. Еда здесь – предмет поклонения, она выступает в роли Верховного Контролера, способного подчинить себе массы. Пища у В. Сорокина способна заменить не только саму себя, но и, к примеру, живопись – в рассказе она как вид искусства сохранилась лишь в виде картин из продуктов питания.

В. Сорокин приоткрывает завесу времени и дает образ постчеловеческого будущего: в новой Поднебесной смешались европейские, русские, азиатские черты, глобальное общество здесь представлено «недолюдьми», жизнь которых тянется от выпускного банкета через Год блеющей овцы и День Благодарения Стариков ко дню осеннего загустения спермы. Все бесконечно молоды, полны сил, предаются утехам, содомии, съедают до 1500 блюд, и уже непонятно, есть ли хоть какая-то, пусть даже ложная цель существования у людей будущего. Эпоха, в которой пируют клоны, отвращает. Потребление в Поднебесной – смысл бытия. Сами клоны в результате биогенетических изменений лишь отдаленно напоминают людей. Мужская особь может иметь как мужские органы, так и женские, но они выполняют скорее эстетическую, а не практическую функцию. Контаминация с

признаками животных делает их уродами, хотя клоны этого не понимают. Значение женщины в связи с клонированием сведено к нулю; она уже не выполняет роль матери, а, скорее, становится декором, человеком-функцией: «В просторном зале из идеально обработанной сосны все было готово к трапезе: посередине на татами лежала невинная шестнадцатилетняя японка. Прекрасное тело её было покрыто японской холодной закуской – суши, сашими, зеленым и розовым имбирем, сырым мясом, соевым сыром тофу, рисовыми лепешками и тушеными плодами. Соски девушки скрывались под двумя моллюсками, на лоне покоился красный краб» [20, с. 210]. В каком-то смысле все ценности, включая ценность человека, девальвировались, дает понять В. Сорокин.

Несмотря на угрозу, Ю все-таки решает приготовить блюдо из натуральных продуктов. Он верил в силу естества, но совершенно не понимал значения самого понятия «естество», ведь сам герой – нечто среднее между настоящим и искусственным. Инакомыслие прощено ему лишь однажды, потому как система предполагает расправу над теми, кто посмеет выступить против нее. Натуральному предопределено было погибнуть, и казнь Ю доказывает оставшимся в живых клонам мощь и нерушимость системы: «Принесенная тобой F-сладость, вызвавшая у меня t-раскаивание с ML-слезами, напомнила мне эпизод из моего детства, когда я объелся медом диких пчел. Когда я попробовал его, мне показалось, что буду есть это всю жизнь. Но на следующий день я уже не мог смотреть в сторону дупла с медом. Я плакал. Потому что мед этот был слишком сладок. Как и твое блюдо. Пославшие тебя хотят, чтобы я t-вернулся к n-мясу, отвергнув к-мясо. Но разве может обычная убогая куропатка сравниться с сочной мощью к-куропатки? Никогда. Однако твое блюдо было очень вкусно. Причина? Не в твоём C-art. И не в моей ML. А в t-обленившихся и R-зажиревших придворных поварах, забывших, что настоящий повар должен каждый день находить горшок с барсучьим салом. Твое блюдо лишний раз напомнило об этом. Ты достоин награды, повар Ю. А я умею награждать. Отныне ты войдешь в Историю как Проводник-Естества-Напомнивший-О-Силе-Противоестественного под именем Хьянь Ю. Ибо слезы мыслящих животных пока еще содержат соль. Властелин Мира направил Жезл Силы на Хьянь Ю. Сфера Исполнения сомкнулась вокруг стройной фигуры повара. Молекулы его тела мгновенно распались на атомы, которые, перестроившись, слились в единый кристалл атомарной соли – твердый, как сталь, и прозрачный, как живородящее стекло. – Теперь ты соответствуешь. – Властелин удовлетворенно отпустил Жезл Силы. Хьянь Ю поставили в центре Главной Праздничной Кухни в назидание поварам» [20, с. 238]. Так сила противоестественного поработывает и истребляет природное, в том числе – человека. Для чего же тысячелетиями осуществлялась эволюция человеческой

цивилизации? Неужели для того, чтобы род человеческий в конце концов исчез, замененный клонами? – как бы ставит перед читателем вопрос писатель. В полноценность клонов В. Сорокин не верит – ничего хорошего не сумели они создать и в анализируемом рассказе. Напротив, с клонированием писатель связывает деградацию личности и общества, и изображенная им цивилизация напоминает Средневековье. В. Сорокин выступает против коллективного антропологического суицида, отстаивает «живорожденного человека» вместо его искусственной копии.

Можно провести некоторые параллели между «Ю» В. Сорокина и работой Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее». Американский философ отмечает, что многие из предвиденных О. Хаксли явлений фактически близки к осуществлению уже сегодня. «Может быть, мы готовы войти в постчеловеческое будущее, в котором технология даст нам возможность постепенно изменить нашу сущность...» [25, с. 307], – пишет Ф. Фукуяма, высказывая предположение, что на «следующей стадии эволюции...мы сознательно возьмемся за наше биологическое строение, а не оставим его в руках слепых сил естественного отбора» [25, с. 146]. Но в то же время он выступает за запрет клонирования людей: «Есть вещи, которые должны быть запрещены безоговорочно. Одна из них – репродуктивное клонирование, то есть клонирование с намерением создать ребенка. Причины для этого и моральные, и практические, они выходят далеко за пределы озабоченности национальной консультативной комиссии по биоэтике относительно того, что сейчас невозможно безопасно провести клонирование человека. Нравственные причины связаны с тем фактом, что клонирование – весьма неестественная форма размножения, которая установит столь же неестественные отношения между родителями и детьми» [25, с. 140]. В рассказе не просто создаются искусственные люди, у В. Сорокина результаты клонирования приобретают фантастическо-абсурдный оттенок. Будущее у автора трагично, в нем нет места человеческому, есть только уродливые «недолюди», способные лишь непрестанно жрать. При описании своих героев автор прибегает к приему антиэстетизма. «...Используемая В. Сорокиным техника антикаллистского письма и призвана представить как явление безобразное, отталкивающее отраву, вливаемую в человеческие души и превращающую людей в зомбированных жертв истории, дезориентированных, примитивных потребителей, неполноценных, расчеловеченных клонов» [19, с. 5].

2.2. Бессмертные «трупы» в рассказе Д. Яцутко «Пустой город»

Если предположить, что технологии, предсказанные О. Хаксли, осуществились и что конвейер с клонами запущен, то необходимо учесть и то, что «успехи в области клонирования наряду с большими обещаниями – включая возможность бесконечного воспроизводства человека из взрослой клетки – неотделимы от осознания угрозы изменения природы человека, вплоть до его исчезновения как существа природного» [18, с. 158]. Так о последствиях достигнутого клонирования рассуждает Д. Яцутко в рассказе «Пустой город» (2004). «Прообраз» города у автора – это идеальный Города Солнца

Т. Кампанелла или Утопия Т. Мора, но отнесенный в постчеловеческое будущее. Д. Яцутко указывает, что рассказ является социопсевдоархитектурным проектом с подробными описаниями, который категорически запрещено читать вслух. Повествование ведется от лица героя-рассказчика – клончеловека далекого будущего, в котором попытались осуществить мечты людей многих поколений, и даже – посредством клонирования – достигли реального бессмертия. Но тон рассказа о Пустом городе и его жителях отнюдь не восторжен, напротив – достаточно безрадостен. Состояние повествователя, чувствуется, болезненно-депрессивное: «Этот текст я написал около пяти лет назад. Около трёх лет назад рукопись была безвозвратно утеряна в электропоезде. Сегодня я болел головой и ещё чем-то, меня трясло и мутило, я лёг на диван, я был покрыт испариной и встревожен фактом существования себя. И вспомнил пустой город. Представляемый вашему вниманию текст не является точной копией утерянного. Я даже не уверен в его стилевой похожести на исходный, но ощущение настоящего пустого города он передаёт весьма точно. Я адресую этот текст жителям Пустого города» [32]. В чем же дело?

У Д. Яцутко читатель не найдет классической схемы жанра антиутопии. Здесь отсутствует восставший герой, нет верховных контролеров или какой-то другой иерархии, никто не довлеет над клонами, все вроде бы благополучно в Пустой обители. На первый взгляд кажется, что перед нами идеальное общество, однако это не так – «совершенно счастливая жизнь может оказаться неполноценной, если процветание достигнуто ценой утраты важнейших человеческих качеств и, собственно, человеческой сущности» [18, с. 159].

Людям-клонам, представленным в рассказе, чужды все человеческие чувства и переживания. Персонажи удивляются тому, какими странными были «древние» люди, их образ жизни, привычки, способность радоваться обыденности, горевать по умершим, приобщаться к культуре. Сами они бесцельно проживают жизнь, не замечая никого вокруг себя, просиживают часами в зале ожидания, никого при этом не ожидая, не смотрят друг на друга и, что самое главное, не смотрят на себя. Таким образом, несмотря на то, что

герои рассказа обрели бессмертие физическое, происходит отмирание в них всего человеческого. В литературе проблема жизни и смерти занимает одно из важнейших мест, а в Пустом городе – нет. Здесь все обстоит иначе: смерть никого не увлекает, никто не ходит в утилизационный цех смотреть на покойников (это лишено смысла, поскольку умерший вновь клонируется), никто не читает у гроба стихов, а тем более не читает вслух. «Место для чтения выглядит так: это ниша в стене квартала, способная вместить стоящего человека и оборудованная звуконепроницаемой дверью и плоским экраном, который может опускаться или подниматься так, чтобы быть на уровне глаз читающего. Читать вслух категорически запрещено» [32].

Рассказ условно разделен подзаголовками «Место для чтения», «Святыни», «Пожары», «Танцпол», «Дожди». Но, скажем, на танцполе, если кто и танцует, то только в одиночестве, ни в коем случае не образуя пары. Для имитации движений танца появляются люди неопределенного пола, одетые в одну и ту же униформу, создающие видимость некоего действия. Танец использовался людьми во все времена для передачи своей радости или скорби. Танцами отмечались все события жизни людей: рождение, смерть, война, исцеление больного. В Пустом городе танцы обесмыслены, создают видимость развлечений. Никаких реальных переживаний во время танцев никто не испытывает. Это усиливает эффект превращения древнейшего из искусств в симулякр (по Ж. Бодрийяру). Д. Яцутко подчеркивает отрешенность и безразличие жителей Пустой Обители ремаркой: «Иногда в одно из окон может влететь голубь или воробей. Чаще всего их не замечают» [32]. Бессмысленностью и отрешенностью отмечено все в Пустом городе.

Во время дождя жители выходят на улицу – всё-таки это событие. Каждый надеется, что никто больше не выйдет и не помешает его уединению, общению с природой, возникающим размышлениям. Но это очередная фальсификация. Одиночество, дождь, сама природа должны, казалось бы, изменить ход мыслей, настроить на философский лад, побудить испытывать хоть какие-то эмоции: «Такое состояние сознания самоквалифицируется как временно нестабильное и не выдерживает даже секундной критики, но и доли секунды такого состояния хватает, чтобы оправдать дожди» [32]. Однако ожидаемого так и не происходит.

Вполне предсказуемо отношение подобного общества к научным трудам. Они объявляются достоянием истории и изолируются «для почитания и благоговения» в отдельные здания, а все живущие в радиусе нескольких километров отселяются. Клоны по собственному желанию отказываются узнать, что это за достояние и за что нужно почитать его создателей. К «святыням», или, как еще их принято называть в Пустом городе, «перлам» не разрешено прикасаться, поскольку от прикосновений они могут испортиться.

Думать в Пустом городе не принято, достаточно запомнить «несколько фраз, сказанных святыми по тому или иному поводу» [32], чтобы потом «торжественно забывать его труды» [32]. Автор с сарказмом описывает перевернутый смысл самого значения “святыня”. «Именем святого называют университет или парк с синтетическим газонами. Имя же святого приобретает постепенно очень большое значение в языке Пустой Обители и наполняется таким количеством смыслов, что, будучи произнесенным, может означать все противоположности и их отрицание. Святых становится больше и больше» [32].

Рассказ – яркий пример эффекта обманутых ожиданий. В Пустом городе нет ни намека на просветление, наблюдается лишь постепенное угасание хоть сколько-нибудь осмысленного существования. Не осталось ничего, только псевдолюди – подделки по определению, лишь копии, внешне похожие на оригинал набором характеристик, не замечающие пустоты вокруг и внутри себя: «Некоторые люди, из ходящих по улицам пустого города, безосновательно полагают, что Пустая Обитель населена существами (существом), которые (которое) может влиять на происходящее в пустом городе. Эти люди иногда вербализуют свои желания, обращаясь к этим существам (существу). Эти люди не являются жителями пустого города, несмотря на то, что их пространственно-временная локализация совпадает с пространственно-временной локализацией пустого города. Они часто пытаются заставить слушать себя, подходят к жителю пустого города и пытаются заставить жителя пустого города принять как истинные утверждения, не подкрепленные сколько-нибудь логичной, рациональной аргументацией и не подтверждаемые функционально (опытно). Эти люди невыносимы. Для жителя пустого города населенность/ненаселенность Пустой Обители не имеет значения» [32]. Пустая Обитель – не только название конкретного топоса, описанного Д. Яцутко как реально существующего, но и скопище пустышек, образующих вокруг себя эту обитель.

Главный вопрос, который, ставит автор, сам на него и отвечая: не станут ли однажды клонирование и бессмертие глобальной проблемой и причиной той самой пустоты? Станут, поскольку многие картины из жизни Пустого города наблюдаются уже сегодня. Клон – копия, произведенная по подобию человека; получается, что копируется внутренняя пустота, а стимул для самоусовершенствования у получивших бессмертие отсутствует.

Наука стремится достичь успеха в области клонирования. Но есть ли в этом смысл, если однажды все может превратиться в Пустой город, населенный существами, которые день за днем создают видимость жизни?

2.3. Проблема гуманизма в эпоху биотехнологической революции: рассказ Е. Радова «Дневник клона»

Клонирование в антиутопиях рассматривается как возможность не ограниченного временем существования людей, как способ вывести идеальный код, с помощью которого можно создать счастливое общество. Но у клонирования существует и обратная сторона. В произведении Е. Радова «Дневник клона» (1999) рассматривается проблема гуманности при переходе через ту грань, когда клоны станут всего лишь материалом, выращенным для замены органов хозяина. Писатель представляет свой рассказ как подлинные «фрагменты дневника, найденного в архиве Централных Подземелий после их взятия доблестной Армией Всенародной Борьбы за Физиологическое Единство» [15].

Главный герой рассказа – клон (имя отсутствует), который используется как временное хранилище органов своего владельца. Он был выращен и содержался в подземелье, в полном одиночестве. Всю информацию об устройстве мира, об истории и прочих науках персонаж получает посредством компьютера. Свои дневниковые записи он делает на «пишущей машинке» – приборе новом для него, но устаревшем для Новейшей Эры. В рассказе Е. Радова клонов контролируют (по законам жанра) врачи. С одной стороны, это объясняется важностью сохранения здоровья носителя искусственных органов, но в то же время герой-рассказчик в своих записях упоминает и о том, что необходимым является сохранение его психической уравновешенности; в противном случае, рассказывает повествователь, «на следующей медпроцедуре они меня так успокоят, что долгие дни после этого я буду пребывать в состоянии дебильной, дауно-олигофренической веселости, чего я сейчас почему-то совсем не хочу» [15]. Таким образом автор подчеркивает, что способы воздействия на человека и клона не имеют границ.

Герой Е. Радова искренне не понимает, почему лишен общения с себе подобными, ведь он способен говорить, видеть и слышать. К нему приходит мысль: «Может быть, мы погибнем при соприкосновении, или даже при простом лицезрении друг друга, а наши врачи – это вообще совсем другие существа?» [15]. Замкнутое пространство и компьютер с ограниченным доступом – вот все, что предоставлено для спокойной и короткой жизни клона. На свой главный вопрос: «Кто я»? «Для чего я живу»? – он все-таки находит ответ: «Я – клон, то есть точная копия такого же меня, который живет во внешнем мире. Я – половинка, я – часть, я – дробь, но я же и целое; все, что есть у него (меня), есть и у меня (него), только я – здесь, а он – там» [15]. Но осознает персонаж и кошмар своего положения, поскольку он всего лишь инструмент для продления жизни другого. В рассказе дается авторская отсылка на клонирование овцы в 1996 году, что еще раз подчеркивает реальность будущего, в котором можно будет клонировать и людей.

Неизвестными остаются только последствия этого явления для человечества в целом. Е. Радов через своего героя делает прогнозы относительно побочных эффектов: «Вначале клонов производили в любых количествах (не меньше одного на каждую семью) и рассылали в разные географические точки, так, чтобы они по возможности никогда не могли бы встретиться. Но это была чисто утопическая идея. Человек вырастал один, понимал, что он – клон, пытался найти самого себя первого, свою семью и так далее. Случались неприятные встречи, убийства, которые все труднее и труднее было раскрыть, ибо зачастую сами родители, поняв, что вместо их любимого сына живет и действует его клон, убивший того, кого они произвели на свет естественно-половым путем, и незаметно занявший его место, не желали его выдать, боясь потерять хотя бы этого клона. А какая разница, в конце концов?.. Ведь клон и есть он. Часто женщины, недовольные своим браком, разыскивали клонов своих мужей, и, либо убегали к ним, либо опять-таки, что случалось гораздо чаще, убивали природнорожденных (их стали называть "натуралы") и припеваючи жили с клонами. Особо ретивые так делали неоднократно, если клонов хватало. Мужчины ни в чем им не уступали, в результате создание новых семей стало большой проблемой, так как никто этого не хотел и каждый дико за себя боялся, поскольку клонов имели все. Иногда, впрочем, клоны подруживались и создавали целые коммуны. Имели место и случаи любви к своим клонам, часто обоюдной. Короче, наступил полный бардак и дурдом» [15].

Е. Радов пророчит превращение общества в единый концлагерь, в котором люди будут охранять своих клонов, пока не разразится бессмысленная война, целью которой будет доказать, что именно я «натурал» и остаться в живых в единственном экземпляре. Ученые будущего, конечно, создадут яд, который сможет убивать только клонов, все ужасы забудутся, и останется лишь идея выращивания клонов для трансплантации органов. Общество потребления процветает и в рассказе Е. Радова. Клоны, предназначенные для продления жизни своего «натурала», сначала вводились в искусственную кому либо одеваливались. Но в таком случае развитие организма их замедлялось и собственно поэтому было решено растить их в адекватном состоянии, однако в закрытых подземельях, в полной изоляции друг от друга и от своих владельцев. В обществе это время стали именовать Эрой Всеобщего Процветания. Но всеобщего ли? Клонов уже никто не считает членами общества, все процессы, связанные с их появлением и умерщвлением, тщательно засекречиваются, ведь они, по сути, действительно просто расходный материал: «Ты живешь, живешь, у тебя печень пришла в полную негодность – а вот тебе клоновская, твоя же, но новая. И так со всем. И когда, например, моя почка понадобится ему (мне), я не пойму, зачем мне ее

вырезали, а он не задумается, откуда она, собственно, взялась. Вот так, оказывается, обстоят дела» [15], – постигает герой-рассказчик.

Даже создатели искусственного человеческого организма не смогли предвидеть, что однажды клон, может быть, задумается о смысле своего существования и придет к выводу, что его жизнь не имеет никакой ценности и цели. И это несмотря на то, что он, возможно, имеет большее право на существование, чем его асоциальный хозяин-пьяница. Для потребителей и создателей это означает только, что конвейерное производство человеческого материала имеет свою погрешность, из-за которой появляется мыслящий и развивающийся клон. «Я до сих пор пребываю в состоянии полной опустошенности, ужаса, протрации. Я – всего лишь склад новых органов для другого, первого меня. Неужели это справедливо?...Если нет, то как я смогу дальше жить? Если да, то я этого не понимаю» [15], – исповедуется радовский персонаж.

В рассказе автор указывает на обреченность главного героя, признанного годным для утилизации. Он попросту не успеет познать мир, но его желание приобщиться к этому миру столь велико, что все существующие философии и религии мыслящий клон пытается понять, как и свести воедино всю человеческую историю. Герой погружается в тайны искусства, поэзии. Будучи изолированным, он посвящает все свое время, всю свою жизнь для разгадки тайны женской красоты: «Я составил портрет желаемой мной женщины и тут же в нее влюбился. И я решил писать ей стихи. Любовные послания, которые она никогда не прочтет, поскольку не существует. Впрочем, какая разница? Написал венок сонетов и небольшую поэму. Для этого пришлось изучить гипнокурсом основы стихосложения и поэтическое творчество разных народов» [15]. Как видим, у Е. Радова клон превосходит остальное общество, в котором литература, религия, наука уже не вызывают эмоций и интереса.

Однако даровать клону жизнь и свободу – значит создать «нездоровый прецедент» в обществе, значит нарушить тайну появления новых органов у «натурала». Тайна клонирования в рассказе явно рассматривается автором как абсурд. Как человек может погибать от болезни, а потом одномоментно возродиться в новом, здоровом теле и не понимать, каким чудом это произошло. Тем не менее коллективное признание в антигуманности, лишние мысли, а еще чего хуже угрызения совести – все это ни к чему вершителям судеб клонов и «натуральных» людей. Клон, выращенный в подземелье, вдали от соблазнов человеческого мира, ищущий ответы на вопросы «быть или не быть, существует ли Бог, в чем заключается истина», жаждущий любви, общения, обречен на умерщвление. Время пришло, а значит тот – другой «нуждается» в нем. «Итак, он никем не стал? Ничего не создал? Просто спился,

так и не осознав самого себя? Ладно, я дам тебе второй шанс. Я помогу тебе. Я не испытываю сейчас никаких эмоций, никаких страданий, ничего, ничего, ничего. Я не зря прожил свою жизнь. Когда мои произведения будут напечатаны под его именем, когда его признают, это вдохнет в него новую цель. Он станет гением, ибо он уже гений. Просто ему не повезло. Просто так сложилось. Но все всегда можно изменить, и это пробудит его! Это даст ему силы! Он поймет! Он все поймет!!! Он поймет все. И я улыбаюсь и предвкушаю его величие, признание, любовь, славу. В этом и заключается смысл: ведь, в конце концов, он – это и есть я» [15], – вот к какому решению приходит радовский герой. Он не понимает, что для общества потребления его жертва напрасна.

«Дневник клона» – произведение с совершенно полярным традиционному взгляду на проблему создания искусственных людей. В классической антиутопии и фантастике это приводит к различным последствиям, от установления строгой иерархии между людьми из пробирки, до захвата власти этими же людьми. У Е. Радова совершенно иная позиция. Как бы мы не относились к вопросам генетики, евгеники, клонирования, прогресс нам вряд ли остановить. Несмотря на то, что сегодня официально клонирование с целью создания новых людей запрещено, остается загадкой, что изменится через сто – двести – триста лет. Автор, вставший на защиту прав клонов, предвосхищает своим рассказом возможное время, когда цена их жизни будет равна нулю.

Перемены, которые прогнозируют авторы рассмотренных антиутопий, – масштабны. В будущем В. Сорокина благие цели клонирования животных способны не только спасти от голода, но и обернуться запретом всего натурального, поклонением перед искусственным. Еда – культ, клоны – уроды, слепленные на скорую руку недочеловеки. У Д. Яцутко, наоборот, клоны сохраняют внешний облик антропоса, а все их уродства находятся внутри. Никаких предметов поклонения, пусть даже самых бессмысленных, у людей будущего нет, есть только тотальное безразличие и пустота. На проблему клонирования с точки зрения этики и гуманности обращает внимание Е. Радов. Каждый из рассказов можно воспринимать как предупреждение, предостережение общества от ошибок, которые неизбежно приведут к изменению природы человека и общества в целом.

ГЛАВА 3. ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

3.1. Неолюди в романе М. Уэльбека «Возможность острова»

Самым масштабным произведением наших дней, дающим картину постчеловеческого будущего, явился роман Мишеля Уэльбека «Возможность острова». М. Уэльбек (настоящая фамилия – Тома) стал одним из самых известных французских писателей двух последних десятилетий. Его первый роман «Расширение пространства борьбы» вышел в 1994 году и сразу принес автору известность, а вместе с тем и неоднозначную критику. «Каждая вышедшая книга вызывает колоссальный общественный резонанс. В электронной версии журнала «Иностранная литература» есть 62 наименования, связанные с именем М. Уэльбека. Эти материалы образуют две группы. Большую часть составляют работы, посвященные личности писателя, где самым частотным словом является «скандал/скандальный» (встречается 102 раза). Вторая группа – это рецензии, посвященные непосредственно его творчеству. К сожалению, их необоснованно мало. Серьезное изучение творчества М. Уэльбека только началось. И, пожалуй, первые глубокие исследования, как ни парадоксально, появились в России, а не во Франции» [11]. Роман М. Уэльбека «Возможность острова» (2005) был определен критиками как «социальная антиутопия», впоследствии был переведен на 36 языков и получил литературную премию Интералье.

Сюжет романа основан на автобиографии главного героя. В произведении описываются два временных пласта: первый – современная действительность (начало XXI века), а второй переносит читателя на две тысячи лет вперед – в будущее (примерно XXX – XXXI век). Повествование ведется от лица главного героя (Даниеля1), который, как персонаж классической антиутопии, ощущая себя частью общества и характеризуя это общество изнутри, ведет дневник, описывая события своей жизни и жизни социума. «Рукопись, которую пишет герой, можно рассматривать как донос на все общество. Дело в том, что рукопись героя лишь условно предназначена для саморефлексии. В действительности же, помимо самовыражения, она имеет своей целью предупредить, известить, обратить внимание, проинформировать, словом, донести до читателя информацию о возможной эволюции современного общественного устройства» [10]. Записи дневника перемежаются комментариями клонов (Даниеля 24 и 25), повествующими об угасании человечества как биологического вида и прихода на его место неолюдей.

Мир в романе – современное западное общество, фактически находящееся на грани катастрофы. Главный герой – комик, высмеивающий

готовность людей к насилию, детоубийству, проституции, терроризму, удивляется тому, что зрители искренне считают это смешным: «Потребление, забвение, нищета. На подобных темах у меня полные залы надрывали животы от хохота; к тому же я заработал на них немалые деньги» [24, с. 29]. Герою осознание того, что он замечает язвы общества острее других, приносит удовольствие и богатство, но постепенно эйфория сменяется печалью. Комические скетчи с иронией и сарказмом вызывают теперь только тошноту: «Каждый раз, когда публика смеялась (а я заранее предвидел эти моменты, я умел дозировать эффекты, я был опытный профессионал), мне приходилось отворачиваться, чтобы не видеть эти пасти, сотни сотрясающихся, искажённых ненавистью пастей» [24, с. 18]. Постепенно всякое желание «лечить» общество пропадает, и герой предпочитает перестать быть частью системы. По законам антиутопии он должен бы погибнуть, но в авторском видении современное общество готово предоставить полную свободу мысли, действий и слова при наличии денег. Само государство теперь гарантирует безопасность: «на страже таких людей, как я, стояла вся социальная система» [24, с. 128]. Герой постепенно разочаровывается в человечестве и все-таки находит спасение в любви: «... Что-то во мне знало, причём знало всегда, что в конце концов я встречу любовь – я имею в виду любовь взаимную, разделённую, ту, которая только и имеет значение, которая только и может реально даровать нам иной порядок восприятия, когда индивидуальность трещит по швам, основы мироздания видятся в новом свете и дальнейшее его существование предстаёт вполне правомерным» [24, с. 56]. Однако то, что приносит умиротворение и счастье, оборачивается новым разочарованием: «да, любовь делает человека слабым, и тот, кто сильнее, подавляет, мучит и в итоге убивает другого, причём безо всякого злого умысла, даже не испытывая удовольствия, с абсолютнейшим безразличием; именно это у людей обычно называется любовью» [24, с. 62], – резюмирует повествователь.

Пустота, расширяющая свои границы в сердцах и умах людей, постепенно «замещается». Автор предлагает свою, несколько ироничную и фантастическую, версию перестройки общества. Существа будущего (в том числе и клоны героя-рассказчика) вышли из квазирелигиозной секты Элохимитов. Элохим – одно из обозначений бога в ветхозаветной мифологии (встречается в Библии до 2 тысяч раз). Слово «Элохим», будучи формой множественного числа, несёт в себе отчасти память о древнейшем многобожии еврейских племён. Однако сама эта форма, согласующаяся в Библии почти всегда с глаголами и прилагательными в единственном числе, выражает, скорее, значение квинтэссенции, высшей степени качества, полноты божественности в лице единого бога, вобравшего в себя всех до того бывших богов (ср. «Бог богов» — *elohey haelohom* — Втор. 10,17) [31]. Приверженцы

секты ожидают возвращения на Землю творцов человечества – инопланетян, считая, что «это вполне материальные существа, которые стояли на более высокой, нежели мы, ступени эволюции, умели совершать космические перелёты и творить жизнь; кроме того, они победили старость и смерть и жаждали поделиться своими секретами с самыми достойными из нас» [24, с. 35].

Единственное отличие подобного рода верования от других способов «запудрить мозги» состоит в том, что адепты получают возможность однажды возродиться вновь путем клонирования. Достигнув определенного возраста и осознав приближение старости, члены секты должны закончить жизнь самоубийством, предварительно оставив после себя краткое жизнеописание и образец ДНК. Спустя поколения проблема клонирования была решена и обещанное бессмертие осуществилось.

Жизнь клонов несколько не обременительна: они ведут дневниковые записи для последующей копии, а по достижении определенного возраста уходят из жизни, уступив место следующему поколению клонов. Так по воле создателей секты должно продолжаться до прихода Грядущих.

Клоны М. Уэльбека представляют собой неолюдей, генетически почти не отличающихся от своих предшественников, – это скорее инкарнация (внедрение в материальное тело духа). Внешние характеристики остались прежними, снизилась лишь чувствительность к физической боли. Искусственные люди не нуждаются в обычной пище. Новое человекообразное существо живет посредством фотосинтеза, которое когда-то было привилегией растений. Благодаря использованию солнечной энергии растения достигли фактически неограниченной продолжительности жизни. Люди будущего существуют за счет солнечной энергии, воды и небольшого количества минеральных солей. Потребность в пищеварительном тракте отпадает, равно как и некоторые другие системы. В то же время это и превращает человека в нечто, не имеющее точного определения: «было принято решение о Стандартной Генетической Ректификации, которой следовало в обязательном порядке подвергать все возвращаемые к жизни единицы ДНК и которая обозначала окончательный разрыв между неолюдьми и их предками. Остальной генетический код оставался неизменным; однако перед нами был новый естественный вид и даже, собственно говоря, новое – в отличие от животного и растительного – царство» [24, с. 122]. В романе это со временем позволило неолюдям пережить климатические катастрофы, приведшие к почти полному исчезновению людей прежней расы и остаться фактически единственными жителями и хозяевами планеты.

В отличие от внешнего вида, который не имел существенного значения, кардинальные изменения, описанные автором, происходят глубже –

в чувствах, инстинктах, потребностях клонов. Система ценностей у неолюдей постчеловеческого будущего в изображении М. Уэльбека не развита. Жизнь больше не является ограниченным сроком пребывания индивида на земле, поэтому и проходит она бесцельно, в ожидании последнего дня. Такое существование лишено опасений, заблуждений, веры, любви, общения во всех его формах: «Раньше, когда человеческие существа жили вместе, они удовлетворяли друг друга посредством физических контактов; это для нас понятно, ибо мы получили сообщение от Верховной Сестры. Вот сообщение Верховной Сестры в его интермедийном варианте: “Усвоить, что люди не обладают ни достоинством, ни правами; что добро и зло суть простые понятия, слегка теоретизированные формы удовольствия и страдания. Во всём обращаться с людьми как с животными, заслуживающими понимания и жалости, как в отношении их души, так и тела. Не сворачивать с этого благородного, великого пути”» [24, с. 12]. Для клонов, которые перестали отождествлять себя с людьми, по образцу которых они и были созданы, их далекие натуральные хозяева стали просто частью животного мира, они даже именуются просто – млекопитающие. О времени, когда клонирование достигнет успехов и прочно войдет в жизнь общества, неоднократно упоминает Ф. Фукуяма. Он предупреждает об опасности реального вытеснения человечества клонами, поставившими себя на вершину эволюции.

За обществом в антиутопии предполагается наблюдение и контроль. Так, в романе за новейшим поколением следит Верховная Сестра. Для клонов это божественная сущность, проводник и спутник к Грядущим, ее учения составляют фундамент всех философских взглядов, все наставления ее принимаются как истина. Каждый комментарий клона в романе обязательно содержит отсылку к Верховной Сестре. Она удовлетворяет все жизненные потребности неолюдей, в том числе и бессмертие; но она же внедряет идеи о бессмысленности существования общества прошлого: «Верховная Сестра учит, что ревность, вождение и инстинкт продолжения рода восходят к одному источнику, каковым является мучительность бытия. Именно страдание заставляет нас искать другого, видеть в нём паллиатив; мы должны преодолеть этот этап и достичь такого состояния, при котором самый факт бытия служит постоянным источником радости; при котором интермедияция становится всего лишь свободной игрой, а не конститутивной основой бытия. Одним словом, нам следует достигнуть свободы бесстрастия – предпосылки полного, ничем не нарушаемого покоя» [24, с. 126]. Таким образом, главная цель клонов – просто существовать, не стремясь наполнить смыслом свое бытие, поскольку это рождает мысли, чувства и как следствие – страдания.

Общение не требует личного контакта, оно осуществляется посредством Интернета и призвано оградить клонов от неразделенной любви,

и полностью освободить от этого чувства. На деле единицы смогли достичь желаемого: «...после десятилетий усиленной дрессировки им наконец удалось изгнать из человеческого сердца одно из древнейших чувств, и теперь это свершившийся факт, разрушенное уже не восстановится, как осколки чашки не могут склеиться сами собой; они достигли цели: в своей жизни они никогда, ни в какой момент, уже не узнают любви. Они свободны» [24, с. 115]. М. Уэльбек подчеркивает, что истинное счастье подменяется его симулякром, на деле же свобода от всех чувств тождественна несчастью. Следует отметить, что в произведении автор уделяет большое внимание любовной линии. Через стихи, написанные главным героем из настоящего, М. Уэльбек утверждает, что человечество, лишённое чувства любви, распадается на элементарные частицы.

«С тобою встретимся мы снова,
Моя растраченная жизнь.
Моей надежды миражи,
Моё несдержанное слово.

И я постигну наконец
То высшее на свете счастье,
Когда тела в сплетенье страсти
Находят вечности венец.

Всего себя тебе отдав,
Я слышу мира колебанье,
Я вижу солнце утром ранним
И знаю, что отныне прав,

И мне, ровеснику Земли,
Единый миг любви откроет
Во времени – безбрежном море –
Возможность острова вдали» [24, с. 145], –

в этих строках заложен смысл всего романа. Остров носит символический характер, отсылает нас к месту, где противоположные половины наконец достигнут абсолюта, почувствуют истинное счастье. Клоны же обрели свободу от чувств, они никогда не познают разочарования, но никогда и не достигнут обещанного «острова».

Цель человеческих прототипов – изучение человеческой расы и последующее отрицание своей принадлежности к ней: « Обычно у нас не принято сокращать человеческие рассказы о жизни, какое бы отвращение и скуку ни внушало их содержание. Именно скуку и отвращение по отношению к

этим текстам нам следует культивировать в себе, чтобы отделить себя от человека как естественного вида. Только при этом условии, уведомляет Верховная Сестра, станет возможным пришествие Грядущих» [24, с. 32].

С авторской точки зрения, традиционные представления о патриархальном обществе, где учитель, наставник, пророк, Бог – чаще относится к мужскому роду, отмирает, теперь все знания сосредоточены в неженщине. Несмотря на участие во всех сферах жизни «смотрительницы», каждый из неолюдей имеет право самостоятельно мыслить, открыто высказываться и даже покинуть общину. Никто не будет приговорен к смерти, никто не преследуется, что обычно можно встретить в произведениях исследуемого жанра. Но и при этом условии ничего не меняется.

М. Уэльбек иронизирует, описывая надежно защищенные дома людей будущего, ведь никто не покидает свою обитель дольше, чем на двадцатиминутную прогулку. Понятия «ходить в гости», проводить время в обществе друзей, просто беседовать остались в далеком прошлом. Для клонов обустройство жилища и его защита – это пережиток предшественников. Теряет свою актуальность процесс письма, поскольку фиксировать на бумаге совершенно нечего. Это отражено автором в самой структуре романа. Если главный герой – подлинный Даниель – сообщает о событиях своей жизни, о жизни окружающих его людей, страдает, просто присутствует на десятках страниц текста, то 25 копия Даниеля повествует о своей жизни в коротких заметках, лишенных чувственности, насыщенности, откровенности, свойственной его предшественнику: «Моя жизнь течёт спокойно и безрадостно; размеры виллы позволяют совершать небольшие прогулки, а полный набор тренажёров помогает поддерживать в тонусе мускулатуру» [24, с. 23]. В активной жизни клона нет смысла, ведь он заранее знает, что все, его окружающее, – всего лишь промежуточное творение – «интермедия».

В авторской интерпретации принятие решений, проявление инициативы станет в будущем явлением совершенно чуждым. Доброта, верность, альтруизм будут непостижимыми тайнами, оставшимися разве что только в телесной оболочке собаки (в романе клонируется убитая собака главного героя). По мнению М. Уэльбека, истинная преданность и любовь, сохраненная на уровне инстинктов даже после клонирования, останется лишь у животных: «Благодаря собакам мы воздаём должное любви, самой её возможности. Что есть собака, если не устройство для любви? Ей дают человека и возлагают на неё миссию любить его; и каким бы мерзким, гнусным, кособоким или тупым он ни был, собака его любит. Эта её особенность вызывала у человеческих существ прежней расы такое изумление и потрясение, что большинство – в этом сходятся все свидетельства – в конце концов начинали отвечать собаке взаимностью» [24, с. 62]. Довольно безмятежная

жизнь людей новой эры омрачается лишь присутствием в ней «дикарей». По замыслу писателя, после глобальных катаклизмов, изменений климатических и географических на земле все же остались люди, но в развитии они вернулись на миллионы лет назад и неолюдми воспринимаются как «социально организованные приматы». Человечество, может, и не исчезнет бесследно, но совершит гигантский скачок назад, о чем и предупреждает роман. «В замке повсюду виднелись следы недавнего человеческого присутствия; в большом камине даже горел огонь, а рядом лежали дрова: по крайней мере, они не утратили хотя бы этот секрет – секрет одного из самых древних изобретений человека. Быстро осмотрев комнаты, я убедился, что больше они не сумели сохранить практически ничего: об их пребывании в помещении говорили главным образом беспорядок, вонь и кучи засохших экскрементов на полу. Никаких следов умственной, интеллектуальной или художественной деятельности не наблюдалось; это подтверждало выводы тех редких исследователей, кто занимался начальным этапом истории дикарей: в отсутствие всякой культурной преемственности деградация произошла с молниеносной быстротой» [24, с. 151]. Дикари М. Уэльбека полностью соответствуют традиционным представлениям о людях каменного века: «У костра сидело десятка три индивидов, облачённых в какие-то кожаные обноски – возможно, человеческого производства» [24, с. 153]. Может показаться, что это ирония, но для автора такое будущее вполне осуществимо. Даже если мир не заполнится клонами, отказавшиеся от культуры люди постепенно превратятся в своих еще более древних предков.

3.2. Будущее как продленная современность

Неолюди М. Уэльбека пришли к выводу о несостоятельности человечества прошлого путем изучения цивилизации своих предшественников, ее зарождения, расцвета и распада. В романе действительно описывается общество потребления, или «мир супермаркета». Позиции автора относительно этого явления обозначились в его сборнике статей и интервью «Мир как супермаркет» (1998) и эссе «Оставаться живым» (1991). М. Уэльбек разъясняет содержание метафоры «супермаркет» так: «Супермаркет – это место, где можно продать и купить, где любые человеческие отношения подчинены расчету и даже женская красота измеряется цифрами, где для большинства людей процесс производства материальных ценностей – тайна за семью печатями, где правят миром те, кто создает и перерабатывает информацию, а не вещи. Человек в этом мире разучился любить, чувствовать и исповедует лишь культ молодости и успеха.

Скупая тоннами увлажняющие, укрепляющие, ублажающие средства, западная цивилизация потеряла последние остатки мужества перед смертью, которые раньше находила в христианстве. И хуже того – старость теперь приравнена к смерти. Дети старят – вот вам и разгадка демографической катастрофы белой расы» [12]. Недовольство писателя нашло отражение в романе.

Еще в эру существования главного героя Даниеля¹ в обществе стали формироваться убеждения о бессмысленности и неудобстве продолжения рода. Секта Элохимитов, из которой в дальнейшем и вышли новые люди, ведет активную пропаганду полной, неприкрытой сексуальной свободы и намеренного отказа от рождения детей. Практически все адепты состоят в движении *childfree*, а для распространения этой идеологии в массах используются рекламные и телевизионные ролики. Сам М. Уэльбек считает, что в современном мире Бога и религию заменила реклама, которую французский философ Ж. Бодрийяр называет «псевдорелигией». В своей работе «Система вещей» исследователь подчеркивает, что «от информации реклама перешла ко внушению, затем к «незаметному внушению»» [2]. Этот принцип в полном объеме реализуется в мире будущего, представленного в романе. Реклама создает идеальный мир, где все счастливы. Она внушает надежду на то, что любой может приобщиться к этому миру, если, конечно, он приобретет то, что ему предлагают. У М. Уэльбека рекламируется отказ от деторождения: «Ролик длился секунд тридцать и представлял собой один заснятый крупным планом эпизод, правдивый до полной невыносимости: шестилетний ребёнок закатывает истерику в супермаркете. Мальчик требует ещё пакетик конфет, сперва жалобно – и уже противно – канючит, а потом, встретив отказ родителей, начинает вопить, кататься по земле, кажется, будто его сейчас хватит удар, но время от времени он перестаёт орать и, хитро поглядывая на предков, проверяет, насколько велика его моральная власть над ними; проходящие мимо покупатели бросают на эту сцену возмущённые взгляды, продавцы начинают выдвигаться к источнику беспорядка, и в конце концов смущённые родители встают на колени перед чудовищем, хватая все конфеты, до которых могут дотянуться, и протягивая ему, словно дары. Стоп-кадр и надпись на экране крупными буквами: JUST SAY NO. USE CONDOMS» [24, с.133]. Подобного рода зомбирование людей привело к тому, что уже через несколько поколений клонов сама мысль о продлении рода естественным путем стала казаться абсурдной, более того, позднее исчезла и сама эта мысль. Неолюдям будущих поколений дети приносят только страдания: «Доколе будут сохраняться предпосылки страдания?» – вопрошает Верховная Сестра во «Втором Опровержении Гуманизма». И тут же отвечает: «Они не исчезнут до тех пор, пока женщины будут рожать детей». Без радикального уменьшения плотности населения на земном шаре, учит

Верховная Сестра, нельзя было бы даже подступиться к решению проблем, стоявших перед человечеством» [24, с. 149]. В будущем М. Уэльбека физическая близость становится невыносимой, вызывающей отвращение: «И уж тем более мне не придёт в голову совокупиться с самкой, принадлежащей к этому виду» [24, с. 6], – категоричен клон.

Деформации подвергаются все ценности без исключения. Рождение детей, если таковое еще сохранялось в обществе XXI века, в последующие столетия прекратилось окончательно и привело человеческую цивилизацию к вымиранию. Ощущение старения и смерти вызывало у людей ужас, ведь, по мнению большинства, счастье принадлежит только молодежи. М. Уэльбек предупреждает, что при наступлении описываемого им будущего нежелание стареть захватит не только Запад, но и восточные страны. Обетованная вечная жизнь еще при участии в ней подлинного Даниеля породила волну самоубийств среди тех, кто более не желал испытывать трудности бытия или же просто считал свою жизнь оконченной. При мысли о воскресении в новом теле и вечной жизни люди, охваченные влиянием секты, буквально сходили с ума, оставляли все и прекращали существование. Постепенно это привело к катастрофе, которую описывает в своих заметках один из клонов: «Наверное, умирать было невесело на любом этапе человеческой истории; однако в годы, предшествующие исчезновению человека как вида, это явно сделалось настолько нестерпимо, что, по статистике, процент преднамеренных самоубийств (органы здравоохранения стыдливо окрестили это «уходом из жизни») приближался к 100%, а средний возраст «ухода», который в масштабе планеты составлял приблизительно 60 лет, в наиболее развитых странах снижался до пятидесяти» [24, с. 28].

В романе приход новой цивилизации происходит постепенно, путем расширения границ секты неолюдей. М. Уэльбек высказывает идею о том, что для наступления постчеловеческой эпохи не обязательно устанавливать диктатуру власти или выстраивать социальную лестницу из искусственно запрограммированных людей. Достаточно предложить зажавшемуся обществу новую религию, в которой нет запретов, только безмятежное вечное будущее. ВЕЧНОСТЬ. ВО ВЛАСТИ ПОКОЯ – вот что ожидает тех, кто примет учение новой веры. «Ускоренными темпами, менее чем за два года, вытеснив из обращения западные течения буддизма, элохимитское движение легко поглотило последние обломки рухнувшего христианства, а затем взяло курс на Азию; завоевание началось с Японии и произошло с той же быстротой — тем более поразительной, что этот континент на протяжении столетий успешно сопротивлялся всем миссионерским поползновениям христиан. Правда, времена изменились, и элохимизм шагнул, так сказать, в ногу с потребительским капитализмом, который, сделав молодость высшей, исключительно желанной

ценностью, тем самым постепенно подрывал почтение к традициям и культ предков, поскольку сулил возможность навечно сохранить эту самую молодость и связанные с нею удовольствия» [24, с. 120]. Практически молниеносно новая религия в романе захватила весь мир. Постепенно наступила цивилизация досуга: моральные нормы уже не соблюдаются, смысл человеческого существования сводится к удовлетворению желаний (в основном плотских), и в тоже время исполнение главного обетования любой монотеистической религии – победы над смертью было на пороге осуществления. Правда, сама победа обрела несколько иное значение: духовное измерение отсекается как ненужное, остается только бесконечное продление материальной жизни, что, по сути, есть удовлетворение материальных желаний.

В романе присутствует ссылка на буддизм, как одно из учений, принятых сообществом новых людей: «следуя рекомендациям Верховной Сестры, я уже давно каждое утро, проснувшись, выполнял упражнения, описанные Буддой в его проповеди об основах внимательности: «Так живёт он, созерцая тело в теле, внутри собственного тела; или живёт, созерцая тело в теле снаружи; или живёт, созерцая тело в теле внутри и снаружи. Он живёт, созерцая возникновение тела; или он живёт, созерцая растворение тела; или он живёт, созерцая возникновение и растворение тела. „Вот тело!“ – так его внимание устремлено к настоящему, только пока оно служит познанию, пока служит внимательности. Независимый, живёт он и ни к чему в мире не привязан» [24, с. 147]. Тело воспринимается одновременно как физическое, бытовое и трансцендентное. Оно служит главной идее – впитывать в себя настоящее, познавая его и созерцая. Так будет с каждым последующим нашим телом. Клоны – пустые капсулы, они созерцают, но в этом нет великой идеи вечности, только нескончаемость физических перерождений.

Антиутопия всегда предполагает противостояние сложившейся негативной системе. В романе М. Уэльбека это противостояние имеет место, но оно никак не влияет на перестройку общества – это, скорее, очередной симулякр проявления протеста. Среди неолюдей появляются так называемые отступники. Никто не преследует дезертиров, никто не ищет их, они хоть и избранные, но не имеющие большого значения: «просто из Центрального Населённого пункта приезжает специальная команда и окончательно запирает занимаемую ими станцию, а род, к которому они принадлежали, объявляется угасшим» [24, с. 129]. Полная свобода выбора – явление неестественное в мире антиутопии, но в данном случае это можно определить как своеобразный естественный отбор. Отступник от веры в Грядущих просуществует отведенное ему время, умрет, но не будет клонирован, а значит – исчезнет окончательно.

Сюжетный конфликт в романе возникает практически в самом конце, когда клон отказывается от своей роли, подвергает её сомнению и предпочитает выбрать собственный путь. Для него далекий предшественник – «личность, безусловно, честная, но ограниченная, недалёкая и весьма показательная с точки зрения тех рамок и противоречий, которые и привели человеческий род к гибели» [24, с. 144], однако жизнь и суждения его кажутся Даниелю 25 любопытными. Он решает покинуть анклав в поисках гипотетического сообщества неолюдей, в поисках ответа на вопрос: «А что было снаружи мира»? Клон предоставлен сам себе, своим размышлениям. Он вспоминает фрагменты из жизни своего прообраза – Даниеля¹, вспоминает о его несчастливой любви, о страстях, которые бушевали в эпоху «млекопитающих». Постепенно идея о нечеловечестве кажется персонажу романа все более недостижимой и утопичной: «Теперь я знал: никому из неолюдей не под силу разрешить основополагающую апорию бытия; те, кто пытался сделать это – если таковые нашлись, – скорее всего, уже умерли. Сам я, сколько смогу, буду влачить свою никому не нужную жизнь усовершенствованной обезьяны, сожалея только об одном: что стал причиной гибели Фокса, единственного известного мне существа, заслужившего право жить дальше, ибо в глазах его иногда зажигалась искра, предвещавшая пришествие Грядущих» [24, с. 163]. Фактически это было крахом мировоззрения, крахом надежды на беспечное, вечное будущее. Единственное, что в романе оставлено автором в качестве напоминания о некогда существовавшем человечестве, – море: «Так, значит, вот что люди называли морем; вот что считали они великим утешителем – и великим разрушителем, той силой, что разъедает все, но мягко и нежно. Я был взволнован; последние элементы, которых недоставало мне для полного понимания человека, внезапно встали на свои места. Теперь я лучше представлял себе, как в мозгу этих приматов могла зародиться идея бесконечности – бесконечности доступной, достижимой посредством медленных трансформаций, берущих начало в конечном мире» [24, с. 162].

Для клонов будущего М. Уэльбека главной целью изучения жизни своих предшественников было освобождение от всех чувств и мыслей, свойственных человеку. Но даже он, нечеловек, призванный стать иным, совершенным видом, на это не способен: «Мне осталось жить, наверное, лет шестьдесят; более двадцати тысяч совершенно одинаковых дней. Будущее – пустота; будущее – гора» [24, с. 163]. Герой осознает драматизм своего существования, но что-либо изменить не может, он просто исчезнет, как и его далекий предшественник: «В памяти моей мелькнул образ великого солнца – нравственного закона, который, согласно Слову, в конце концов воссияет над

миром; но в том мире меня уже не будет, сама его сущность была недоступна моему воображению» [24, с. 163].

Человечество должно существовать по нравственным законам, иначе оно может бесследно исчезнуть или превратиться в первобытных дикарей. Человек, уподобляющийся животному, живущий только инстинктами, рано или поздно утратит свое наименование «*homo sapiens*». Клонирование способно решить проблему бессмертия физического, но какой в этом смысл, если даже клон осознал, что будет владеть пустую жизнь никому не нужной усовершенствованной обезьяны?

М. Уэльбек во главу угла ставит проблемы сегодняшней действительности. Он предупреждает, что уже нынешнее общество может стать началом будущего, описанного в его романе. М. Уэльбек рисует будущее так, что кажется, будто это уже реальность. «Действительность в романах французского писателя дана через восприятие наших современников и одновременно с точки зрения наших генетически измененных потомков. Такая манера письма в целом характерна для М. Уэльбека, полагающего, что надо писать о человечестве как будто ты уже не человек» [13].

Высокие идеи всеобщего долгоденствия в исследованных произведениях так или иначе приводят общество к классовому разделению, к подчинению системы теми, кто считает себя избранными. Остальные будут либо духовно умерщвлены, либо умрут ради продления жизни тех самых «избранных».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате предпринятого исследования мы пришли к выводу, что основная мысль «антропологических» антиутопий, преподносимая авторами одна, – неизбежное угасание цивилизации, в которой идет погоня за псевдоценностями и посягательство на природу человека. Реализуется эта мысль в каждом произведении по-своему. Так, О. Хаксли и А. Зиновьев предупреждают как об опасности создания «глобального человежника», тоталитаризации общественных структур, омассовлении людей, так и о непосредственном научно-технологическом «человекопроизводстве». Особенно актуальны идеи этих писателей в эпоху начавшейся глобализации и происходящей на наших глазах биотехнологической революции. Описанные угрозы могут стать реальностью, если не противостоять тотальной диктатуре сверхобщества и вытеснению из жизни подлинно человеческого фактора.

У Д. Яцутко четко прослеживается мысль о том, что общество, решившее проблему смерти путем клонирования, вполне может существовать мирно, без притеснения и контроля. Проблема заключается лишь в том, что такого рода социум неизбежно ждет атрофия на всех уровнях. Пустота внутри искусственного человека порождает пустоту в целом городе таких людей, олицетворяющем обесчеловеченный «новый мир».

В. Сорокин видит опасность клонирования в том, что оно в определенный момент может целиком вытеснить естественное, даже запретить натуральное, будь то продукты питания или отдельно взятый человек. Искусственное в будущем, которое описывает автор, станет предметом поклонения, даже обожествления, а естественное будет обречено на утилизацию и забвение.

Е. Радов дает понять, что противостоять прогрессу невозможно, и однажды действительно может наступить время, когда клонирование будет восприниматься как «спасательный круг». В будущем Е. Радова человеку не придется жить по закону нравственности, волноваться о своем здоровье, об этом будут беспокоиться создатели его копий – носителей свежих, здоровых органов. Автор выступает в защиту клонов и выражает протест против положения, когда они станут лишь материалом для продления жизни, пусть самой бессмысленной.

М.Уэльбек считает, что ответственность за возможное будущее несет современный социум, лишенный духовных и нравственных ориентиров. Такое общество само становится причиной катаклизмов, войн, смертей, насилия и исчезновения человечества. Старый мир замещается новым, с его неолюдми,

лишенными фактически всего истинно человеческого, клонирующимися снова и снова, чтобы вести бессмысленную жизнь.

Возвращаясь к работе Ф. Фукуямы, которая стала основным научным источником при написании дипломного сочинения, нам хотелось бы акцентировать внимание на следующем выводе его труда: «Многие считают, что постчеловеческий мир будет выглядеть совсем как наш – свободный, равный, процветающий, заботливый, сочувственный, – но только с лучшим здравоохранением, большей продолжительностью жизни и, быть может, более высоким уровнем интеллекта. Однако постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие «общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек. Это может оказаться мир, где средний человек будет заживаться далеко за вторую сотню лет, сидя в коляске в доме престарелых и призывая никак не идущую смерть. А может быть, это окажется мягкая тирания вроде описанной в «Дивном новом мире», где все здоровы и счастливы, но забыли смысл слов «надежда», «страх» или «борьба». Мы не обязаны принимать любое такое будущее ради фальшивого знамени свободы, будь то свобода ничем не ограниченного размножения или свобода беспрепятственного научного исследования. Мы не обязаны считать себя рабами неизбежного технологического прогресса, если этот прогресс не служит человеческим целям. Истинная свобода означает свободу политической общественности защищать ценности, которые ей всего дороже, и именно этой свободой мы должны воспользоваться сегодня по отношению к биотехнологической революции» [25, с. 147].

Постчеловеческое будущее, описанное в работах американского философа и политолога и показанное в произведениях О. Хаксли, А. Зиновьева, В. Сорокина, Д. Яцутко, Е. Радова, М. Уэльбека слишком близко к нам, чтобы еще оставались какие-то сомнения в том, что человечеству действительно пора переосмыслить все происходящее. Только в этом случае можно будет надеяться на благополучное существование человеческой цивилизации на Земле.

Антиутопии, как правило, возникают не в результате туманно-эсхатологических эмоций, а в итоге трезвого анализа сложившейся ситуации, художественного моделирования одного из возможных вариантов ее развития. Они создаются писателями и философами, с оправданной тревогой всматривающимися в наш общий «гороскоп». Используются и художественные формы, позволяющие максимально адекватно донести тревожащие авторов мысли. Так, создается социологический роман, или антиутопия социологического типа А. Зиновьева, в которой автор опирается на

собственные исследования: « Я пишу не о любви, не о приключениях юношей и взрослых, не о природе, а именно о социальных феноменах. Попробуйте написать роман о власти, не касаясь механизмов работы власти. Ничего не получится. Сейчас в литературе наступил такой период, когда вклад в литературу могут делать не просто писатели, умеющие хорошо говорить и писать фразу, но писатели, к тому же еще обладающие высокой профессиональной подготовкой в тех проблемах, о которых они пишут» [4, с. 250]. Фундаментальность социологии А. Зиновьева выступает в своем подлинном виде. Она фундаментальна в том, что делает ясными проблемы нашего времени. «Человейник», «западнизм», «сверхобщество» – эти зиновьевские неологизмы, ставшие понятиями социологии, вошли и в литературу, делающую их доступными и для неподготовленных читателей.

Антиутопия «Ю» В. Сорокина – составная часть киберпанка «Пир», «обращенного к глобальным проблемам человеческого существования» [19, с. 5]. Д. Яцутко напрямую называет свой текст «проектом», но это проект будущего, которое нельзя допустить. М. Уэльбеку помогает решить поставленную задачу принцип диахронии, сюжетная многослойность, своеобразная полижанровость.

Все это позволяет говорить и об известном жанровом обновлении рассматриваемых произведений, оказывающих поистине шоковое воздействие на читающих.

Для стиля проанализированных антиутопий характерны:

- влияние жанра научной фантастики (использование научных терминов, отнесение действия в будущее и т.д.);
- использование гротеска;
- поэтика абсурда;
- антиэстетизм (уродства, аномалии, описания которых включают авторы в свои произведения);
- жанровые признаки дневниковых записей;
- скрещивание художественной образности и элементов социологического исследования.

Еще к концу XX столетия стало очевидным взаимопереплетение утопии, антиутопии, фантастики. Утопия определялась как позитивное упование, научная фантастика – как предвосхищение, а антиутопия как предостережение против мира будущего, враждебного человеку. Авторы зарубежной антиутопии XX века пытались предостеречь от негативных перемен, которые может повлечь за собой научно-технический прогресс. Русские писатели, связывая свои взгляды с историческим опытом, выражали также опасение ретоталитаризации. Современные авторы анализируют

настоящее, в котором уже начинают проявляться некоторые явления биотехнологической революции и предупреждают человечество о том, что их тревожит.

Сегодня можно говорить о появлении новых ветвей антиутопии; изменяется и проблематика произведений. Так, постапокалиптическая антиутопия Т. Толстой «Кысь» (2000) воссоздает последствия Третьей мировой войны, изображает будущее как прошлое. В. Сорокин в романе «Теллурия» (2013) повествует о распаде Европы и России, не сумевших утвердить реальный мультикультурализм. В дилогии «День опричника» (2006) и «Сахарный Кремль» (2008) с сарказмом и иронией автор предостерегает от возвращения к тоталитарным порядкам. В. Пелевин в романе «Любовь к трём цукербринам» (2014) прогнозирует эпоху глобального электронного контроля – шпионажа за людьми и высмеивает псевдотранспарентность, лишаящую человека личной жизни. Свое место в этом кругу заняла и «антропологическая» антиутопия. Благодаря ей в современной литературе появляется новый тип героя – клон, представленный у В. Сорокина, Е. Радова, Д. Яцутко, М. Уэльбека.

Не всегда произведение, в котором изображается возможное будущее, можно отнести к антиутопии, поскольку антиутопия не просто описывает постчеловеческий мир, а вступает в полемику с утопическими идеями построения социума. Но переклички между антиутопиями и неантиутопическими произведениями разных жанров, повествующими о будущем, безусловно, возникают. Например, в фантастическом романе С. Сиглера «Клон дьявола» (2007) описывается универсальный клон доисторического предка. В цикле романов В. Панова «Анклавы» (2010 – 2013) упоминаются чипы, имплантированные в головы, у А. Королева в романе «Эрон» (2008) описывается девочка, зачатая в пробирке, а в романе-амулете «Stop, Коса!» (2008) – замораживание в креоновой камере на сто лет. Все это свидетельствует о важности поднимаемых авторами проблем человеческого существования, по-разному себя выражающих, но наиболее отчётливо концептуализированных в антиутопиях.

Стоит обратить внимание на то, что главная цель антиутопии – не запугать читателя или лишить человечество веры в лучшее будущее, а предостеречь от возможных негативных последствий, причиной которых мы сами и являемся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антиутопия в литературе XX века как жанр, выразивший тревоги и опасения людей «технического века» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://100pudov.com.ua/subject/105/45745?page=1> . – Дата доступа 14.05.2014.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: «Рудомино», 2001. – 212 с.
3. Головачева, И.В. Наука и литература: Археология научного знания О. Хаксли / И.В. Головачева. – СПб: Ф-тет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 342 с.
4. Глэд, Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье / Дж. Глэд. – М.: «Книжная палата», 1991. – 319 с.
5. Грезы и кошмары человечества. Утопия и антиутопия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2195.htm> . – Дата доступа 25.05.2015.
6. Грико, Ю. Несколько замечаний о семантике еды в русской литературе / Ю. Грико [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/569/1/StWschSlow_2012_Gryko.pdf . – Дата доступа 15.04.2015.
7. Зиновьев, А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. – 197 с.
8. Зиновьев, А.А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. – 526 с.
9. Кожевников, В.М., Николаев, П.А. Литературный энциклопедический словарь/ В.М. Кожевников, П.А. Николаев. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 752 с.
10. Ланин, Б. Анатомия литературной антиутопии / Б. Ланин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf . – Дата доступа 01.05.2014.
11. Мишель Уэльбек в зеркале российской критики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/56486/1/%D0%9C%D0%BE%D0%B7%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%A2.%D0%90.%20%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BB%D1%8C%20%D0%A3%D1%8D%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B5%D0%BA%20%D0%B2%20%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B5%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8.pdf> . – Дата доступа 12.05.2015.
12. Мишель Уэльбек о современном мире и задачах литературы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2007/355-hudojestvennoe-slovo->

- istoriya-sovremennost-2/7904-mishel-uelbek-o-sovremennom-mire-i-zadachah-literatury.html . – Дата доступа 13.05.2015.
13. Мозгова, Т.А. Жанровое своеобразие романов М.Уэльбека «Элементарные частицы» и «Возможность острова» / Т.А. Мозгова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://izdat-bspu.narod.ru/ebooks/pdf_Vesti/2008/02_2008/seria_1_2_2008.pdf . – Дата доступа 13.05.2015
14. Наука и литература [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://marsexxx.com/lit/golovatcheva-huxley.htm> . – Дата доступа 2.05.2014.
15. Радов, Е. Дневник клона / Е. Радов. – М.: «Фишер», 1999.
16. Роман-антиутопия в контексте мировой литературы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zarlitra.in.ua/28-25.html> . – Дата доступа 01.05.2014.
17. Русская литературная утопия XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/russkaya-literaturnaya-antiutopiya-xx-v#ixzz30Sw9Z3uf> . – Дата доступа 01.05.2014.
18. Скоропанова, И.С. Искусственные люди в рассказе Д. Яцутко «Пустой город» / И. С. Скоропанова // Карповские научные чтения. – Мн.: ИД Бел. Дом печати, 2013. – С. 157 – 162.
19. Скоропанова, И.С. Киберпанк В. Сорокина «Пир»: Опыт прочтения и изучения / И.С. Скоропанова. – Мн.: БГПУ – ИСЗ, 2006. – 91 с.
20. Сорокин, В. Пир / В. Сорокин. – М.: «Ad Marginem», 2001. – 475 с.
21. Трансформация утопии в антиутопию в культуре XX века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/pogrebnaya-srednieveka/literaturnaya-utopiya-vozrozhdeniya.htm> . – Дата доступа 2.05.2015.
22. Трунин, С.Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX-XXI вв / С.Е. Трунин. – Мн.: ИД «Логвинов», 2006. – 154 с.
23. Утопия, антиутопия и научная фантастика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/052011/13052011-04a.html> . – Дата доступа 22.05.2015.
24. Уэльбек, М. Возможность острова / М. Уэльбек. – М.: Иностранка, 2006. – 163 с.
- 25 . Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – М.: Аст Люкс, 2004. – 147 с.
26. Футурологические перспективы современного человека как объект философского анализа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/referats/84F3104D2DD14FAAB5E0CA2C7F385556> . – Дата доступа 14.05.2015.
27. Хаксли, О.Л. О дивный новый мир /О.Л. Хаксли. – М.: Амфора, 1999. – 107 с.
28. Хаксли, О.Л. Возвращение в дивный новый мир / О.Л. Хаксли. – М.: Астрель, 2011. – 51 с.

29. Шишкин, А.П. Утопия и антиутопия XX в. / А.П. Шишкина. – М.: Прогресс, 1990 . – 637 с.
30. Шишкин, А.П. Бабуины жаждут? Перечитывая О. Хаксли / А. П. Шишкин // Диапазон. – 1993. – №. – 3–4.
31. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%AD%D0%BB%D0%BE%D1%85%D0%B8%D0%BC> . – Дата доступа 12.05.2015.
32. Яцутко, Д. Пустой город / Д. Яцутко [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://read24.ru/fb2/denis-yatsutko-pustoy-gopod/>. – Дата доступа 01.05.2014.